

#1 NEW YORK TIMES – BESTSELLING AUTHOR

САНДРА БРАУН

**ФРАНЦУЗСКИЙ
ШЕЛК**

Сандра Браун
Французский шелк

«ЭКСМО»

1992

Браун С.

Французский шелк / С. Браун — «Эксмо», 1992

Новый Орлеан потрясен известием о жестоком убийстве священника. Вести расследование поручено следователю Кассиди. В круг подозреваемых входят разные люди: молодая вдова убитого проповедника, его сын от первого брака, красавица-фотомоделль Ясмин... Но главной подозреваемой становится издательница модного журнала Клэр Лоран. Ничто не может помешать Кассиди в поисках убийцы, даже его неожиданная страсть к Клэр. Против этой обаятельной женщины слишком много улик...

© Браун С., 1992

© Эксмо, 1992

Содержание

Пролог	6
1	9
2	17
3	27
4	37
5	43
6	53
7	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сандра Браун Французский шелк

Sandra Brown
FRENCH SILK

Published by arrangement with Maria Carvainis Agency, Inc. and Prava i Prevodi. Translated from the English FRENCH SILK

Copyright © 1992 by Sandra Brown

First published in the United States by Warner Books, New York

© Литвинова И., перевод на русский язык, 2009

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Голубая сойка впорхнула во дворик и примостилась на каменной стопе херувима. Не снизойдя до того, чтобы плескаться с воробьями в фонтане, сойка лишь глотнула воды и улетила. Казалось, безмятежность, царящая в этом оазисе, окруженном толстыми кирпичными стенами, увитыми цветущей виноградной лозой, навевала тоску на залетную гостью. Трудолюбивые шмели звонко гудели, роясь в нежных цветках винограда. Корзины с папоротниками еще не просохли после предрассветного ливня. На восковых листьях филодендронов и кустах камелий в ярком солнечном свете поблескивали капельки дождя.

– И тогда Рапунзель распустила свои роскошные золотистые волосы, и, ухватившись за них, принц взобрался по отвесной каменной стене башни.

Клэр, внимательно слушавшая мать, недоверчиво взглянула на нее:

– Но это ведь больно, мама?

– Нет, в сказках не больно, милая.

– Как бы я хотела иметь длинные золотистые волосы. – Девочка с грустью вздохнула.

Мэри Кэтрин Лоран погладила непослушные рыжевато-каштановые кудри пятилетней дочурки:

– Твои волосы так хороши, что их не опишешь словами.

Спокойствие внутреннего дворика было внезапно нарушено шумным появлением тетушки Лорель.

– Мэри Кэтрин, они опять здесь! И на этот раз у них с собой разрешение забрать Клэр.

Мэри Кэтрин безучастно уставилась на тетю Лорель.

– Кто это?

Клэр знала кто. Даже если мать не помнила, то Клэр не могла забыть того мужчину в темном костюме, от которого пахло ментоловыми пастилками и жирным кремом для волос. Он уже дважды приходил в их дом, наполняя гостиную тетушки Лорель отвратительными запахами. С ним вместе всегда приходила женщина с большой кожаной сумкой. Они беседовали с тетей Лорель и Мэри Кэтрин именно о ней, Клэр, но так, будто она была глухой или вообще отсутствовала.

Клэр не понимала значения всех слов, которые они произносили, но улавливала смысл их бесед. Визиты этих людей всегда приводили тетю Лорель в отчаяние, а мама тяжело страдала. В последний раз она три дня не вставала с постели, непрерывно рыдая. Это был один из наиболее тяжелых приступов, и тетя Лорель переживала еще сильнее, чем всегда.

Клэр притаилась за железным стулом, на котором сидела мать. Она старалась казаться маленькой, незаметной; в испуге прижимала она к горлу сжатый кулачок, и сердечко неровно билось в груди.

– О, дорогая! О, дорогая! – все повторяла тетушка. Дрожащий подбородок выдавал ее сильное волнение. В пухлых руках она комкала носовой платок. – Не знаю, что и делать. Мэри Кэтрин, что же делать? Они говорят, что могут забрать ее.

Первым вошел мужчина и хищным взглядом окинул дворик. Он казался таким же самодовольным, как и та сойка, что залетала сюда недавно. Наконец его взгляд остановился на Мэри Кэтрин, сидевшей в глубине двора.

– Доброе утро, мисс Лоран.

Выглядывая из-за своего укрытия, Клэр обратила внимание, что мужчина улыбается. Ей не понравилась его улыбка. Она была неискренней и походила скорее на ухмылку на тех масках, что надевали в последний день карнавала на Масленицу. Даже на свежем воздухе Клэр ощущала приторный запах волос и леденцовое дыхание вошедшего.

Слова тетушки Лорель ужаснули девочку. Забрать ее? Куда? Она никуда не пойдет. Если вдруг ее заберут, кто будет присматривать за мамой? Кто будет похлопывать ее по плечу и тихонечко напевать, когда ей становится грустно? Кто будет разыскивать ее, когда она во время очередного приступа ускользнет из дома?

– У вас нет иного выбора, – говорила, обращаясь к Мэри Кэтрин, тусклая женщина в уродливом сером платье. Ее голос звучал хрипло, а тяжелая кожаная сумка оттягивала руку. – Это неподходящее место для вашего ребенка. Вы ведь хотите для дочери только хорошего, не так ли?

Тонкая рука Мэри Кэтрин потянулась к груди, и пальцы нащупали нитку жемчуга, лежавшую поверх кружевного воротничка.

– Я не понимаю. Все это так... странно.

Мужчина и женщина переглянулись.

– Не волнуйтесь, мисс Лоран. О вашей малышке позаботятся. – Мужчина кивнул своей спутнице. Женщина обошла стул и схватила Клэр за руку.

– Нет! – Клэр вырвалась из потных горячих рук женщины и отбежала в сторону. – Я не хочу идти с вами. Я хочу остаться с мамой.

– Пойдем, Клэр, – делано улыбаясь, заворковала женщина. – Мы отведем тебя в дом, где много других ребятшек, ты сможешь играть с ними. Тебе там понравится. Обещаю тебе.

Клэр не верила этой женщине. У нее был острый нос и глазки точь-в-точь как у тех крыс, что рылись в мусорных кучах в аллеях квартала. Она была неприятна, резка, от нее плохо пахло, и, хотя она и старалась говорить мягко, голосу ее было далеко до мелодичных материнских ноток.

– Я не пойду, – объявила Клэр с упрямством пятилетнего ребенка. – Я никуда не пойду без мамы.

– Боюсь, что придется.

Женщина вновь схватила Клэр. На этот раз она держала ее крепко, хотя Клэр и пыталась освободиться.

– Нет! Нет!

Ногти женщины, царапая кожу, впились в руку девочки.

– Отпустите меня! Я останусь с мамой и тетей Лорель!

Клэр извивалась, брыкалась, размахивала руками, упиралась каблучками своих черных туфелек во что только можно, лишь бы вырваться, но все было тщетно.

Тетя Лорель принялась укорять мужчину за то, что ребенка отлучают от матери.

– Да, Мэри Кэтрин страдает меланхолией, но с кем этого не бывает? Приступы, правда, у нее проходят тяжело, но она прекрасная мать. Клэр обожает ее. Уверяю вас, болезнь Мэри Кэтрин совершенно безобидна.

Не обращая внимания на мольбы тети Лорель, женщина тащила Клэр к кухне. Девочка оглянулась на мать, которая все так же сидела на стуле.

– Мама! – закричала Клэр. – Мама, не разрешай им уводить меня!

– Прекрати кричать! – Женщина так тряхнула Клэр, что та нечаянно прикусила язык и вскрикнула еще громче, теперь уже от боли.

Крики дочери вывели Мэри Кэтрин из оцепенения, она вдруг осознала, что Клэр в опасности. Она вскочила со стула, отшвырнув его с такой силой, что, ударившись о стену, он выбил из нее пару кирпичей. Мать подбежала к двери, но в этот момент рука мужчины опустилась на ее плечо.

– На этот раз вам не удастся помешать нам, мисс Лоран. У нас есть разрешение забрать вашу дочь.

– Но сначала я убью вас. – Мэри Кэтрин схватила со столика вазу с розами и опустила ее на голову мужчины.

Тяжелый хрусталь раскололся, оставив глубокую рану на виске мужчины. Темный костюм его оказался залитым водой. Розы рассыпались по земле.

Мужчина взвыл от боли и гнева.

– Да уж, совершенно безобидна! – выкрикнул он в лицо тете Лорель. Та бросилась вперед, пытаясь сдержать Мэри Кэтрин.

Клэр продолжала бороться с женщиной, которая тащила ее через дом. Мужчина ковылял за ними, прижимая к кровоточащему виску носовой платок. Ругался он последними словами.

Клэр неотрывно смотрела на мать. Лицо Мэри Кэтрин, которую тетя Лорель держала в цепких объятиях, было искажено мукой. Руки тянулись к дочери, словно в мольбе.

– Клэр, Клэр! Моя девочка!

– Мама! Мама! Мама!

...Клэр резко откинула одеяло на своей широкой кровати. Грудь словно сдавили обручем, дышалось тяжело. Во рту пересохло, а горло саднило от надрывных криков во сне. Ночная рубашка взмокла и прилипла к влажному телу.

Она подтянула колени к груди, уткнувшись в них лбом, и не поднимала головы, пока не рассеялся ночной кошмар и демоны памяти не погрузились обратно в обитель подсознания.

Клэр встала с постели, спустилась в гостиную и подошла к комнате матери. Мэри Кэтрин мирно спала. Вдохнув с облегчением, Клэр глотнула воды из крана в ванной и вернулась в свою спальню. Переодевшись в свежую ночную рубашку, расправила смятую постель. Она знала, что заснет теперь не скоро.

В последнее время ее часто мучили дурные сны, возвращая вновь и вновь к самым тяжелым воспоминаниям несчастливого детства. Клэр знала, откуда пришли эти кошмары. Для нее это не было загадкой.

Она думала, что эти душевные муки остались в прошлом и никогда уже не вернуться. Но их воскресил пришелец. Его появление было угрозой всем, кого так любила Клэр. Он нес с собой погибель.

И если она не вмешается, не изменит ход событий, этот человек разрушит будущее, которое она себе начертала.

1

Его преподобие Джексон Уайлд был убит тремя выстрелами – в голову, сердце и половые органы. Последнее обстоятельство натолкнуло Кассиди на мысль, что здесь можно искать разгадку убийства.

– Проклятье! – произнесла доктор Элвира Дюпюи, медицинский эксперт.

Мягко сказано, подумал Кассиди. По его предположениям, стреляли из револьвера тридцать восьмого калибра, причем с близкого расстояния. Убийца словно хотел разнести в пух и прах свою жертву. Матрас насквозь пропитался кровью, но тело, изрешеченное пулями, не было обезображено. Все равно – зрелище не из приятных, хотя Кассиди повидал и более отвратительные.

Особую пикантность в случившееся вносила личность убитого. Утром, пробираясь на машине сквозь уличные пробки, Кассиди услышал по радио ошеломляющую новость о совершенном преступлении. Он немедленно развернулся, нарушив правила движения, и помчался к месту происшествия, хотя и не имел на то официального указания. Полицейские, оцепившие отель «Фэрмон», узнали его и, естественно, предположили, что Кассиди представляет нью-орлеанскую окружную прокуратуру. Ни у кого не вызвало удивления и его появление в гостиничном номере «Сан-Луи» на седьмом этаже, где сейчас толпились следователи, которые так усердствовали в сборе улики, что, похоже, лишь теряли их.

Кассиди подошел к медицинскому эксперту.

– Что скажешь, Элви?

Доктор Элвира Дюпюи была полной, крепкой женщиной с волосами пепельного цвета. Ее личная жизнь всегда была объектом сплетен, но никто из сплетников не мог похвастаться собственным опытом сексуальных отношений с Элви. Нравилась она лишь немногим, зато вызывала презрение у большинства. Впрочем, оспаривать ее профессиональные качества не брался никто.

На судебном процессе Кассиди хотел бы иметь именно такого свидетеля обвинения. На четкие и чистосердечные показания Элви можно было рассчитывать. Когда она клялась на Библии, в ее искренности можно было не сомневаться. Элви всегда производила впечатление на присяжных.

В ответ на заданный Кассиди вопрос Элви глубокомысленно поправила очки на своем квадратном лице и произнесла:

– Сначала я предположила, что причиной смерти явилось ранение в голову. Пуля разрушила почти все серое вещество мозга. Рана в груди, пожалуй, далековата от сердца, так что я не могу считать ее смертельной, хотя с уверенностью сказать нельзя, пока не произведут вскрытие. Выстрел в яички вряд ли стал причиной смерти, во всяком случае, не мгновенной. – Элви взглянула на Кассиди с озорной ухмылкой. – Но, бесспорно, оборвал его сексуальную жизнь.

Кассиди поморщился.

– Интересно, какой выстрел был первым?

– Не могу сказать.

– Мне кажется, в голову.

– Почему?

– Ранение в грудь, если оно не было смертельным, парализовало бы его.

– Его легкие тогда бы заполнились водой. Ну и что?

– Если бы мне целились в промежность, я бы чисто рефлекторно попытался прикрыть это место.

Элви кивнула головой.

– У Уайлда руки были раскинуты в стороны. Никаких признаков борьбы или сопротивления. Мне кажется, он был очень хорошо знаком с тем, кто напал на него. Возможно даже, что он спал и не видел убийцы.

– Жертвы редко видят своих убийц, – пробормотал Кассиди. – В котором часу, по-вашему, это произошло?

Элви взяла правую руку убитого и согнула ее в запястье, проверяя степень окоченения.

– В полночь. Может быть, чуть раньше. – Отпустив руку, она спросила: – Могу я забрать его прямо сейчас?

Кассиди кивнул, в последний раз окинув взглядом изуродованное тело.

– Заходите потом ко мне.

– Я прослежу, чтобы вам передали копию протокола вскрытия, как только он будет готов. Не звоните и не давите на меня, пока я не закончу, иначе все только затянется.

Доктор Дюпюи была в полной уверенности, что именно Кассиди будет заниматься расследованием. И хотя официального назначения еще не было, она знала, что это лишь вопрос времени. Дело достанется ему.

Кассиди отошел в сторону, чтобы не мешать работе судебных экспертов, и начал осмотр номера. Все предметы на ночном столике в спальне были уже покрыты порошком для снятия отпечатков пальцев. Многие предметы были аккуратно уложены в отдельные пластиковые пакеты и замаркированы. Грабеж как мотив убийства абсолютно исключался. Среди прочих предметов на ночном столике лежали наручные часы «Ролекс».

Полицейский фотограф делал снимки. Другой полицейский, в хирургических перчатках, стоя на четвереньках, исследовал ковер.

– Кого-нибудь из прессы уже допускали сюда?

– Никого, – ответил ползавший по полу полицейский.

– Держите их подальше отсюда как можно дольше и постарайтесь ничего пока не разглашать. Позже, когда будем знать факты, мы в прокуратуре подготовим заявление для прессы.

Полицейский согласно кивнул.

Кассиди прошел в гостиную. Окна по обеим стенам закрывали темные шторы, так что в комнате царил полумрак, хотя интерьер был выполнен в светлых, пастельных тонах. В уголке дивана, обитого плюшем персикового цвета, свернулась калачиком молодая женщина. Головой она уткнулась в колени, закрыв лицо руками, и тихонько всхлипывала. Рядом сидел молодой человек. Он тщетно пытался успокоить женщину и выглядел взволнованным, даже испуганным.

Им обоим задавал вопросы следователь отдела убийств нью-орлеанской окружной полиции. Говард Гленн работал в отделе уже более двадцати лет, хотя был отъявленным плутом и коллеги его не особенно жаловали. Внешность его не располагала к общению и дружбе. Был он неряшлив, весь какой-то всклокоченный, курил одну за другой сигареты «Кэмел» без фильтра и вообще смотрелся как персонаж гангстерских фильмов сороковых годов. Но тем не менее среди профессионалов его уважали за упрямство и настойчивость, с которыми он проводил расследования.

– Привет, Кассиди, – завидев подошедшего коллегу, произнес Гленн. – Ты быстро добрался. Тебя прислал Краудер?

Энтони Краудер был окружным прокурором, шефом Кассиди. Кассиди проигнорировал вопрос Гленна и кивнул в сторону парочки, сидевшей на диване.

– Кто это?

– Ты что, не смотришь телевизор?

– Только не религиозные программы. Никогда не видел выступлений этого проповедника.

Гленн повернул голову и тихо – так, что только Кассиди мог его расслышать, сказал:

– Очень жаль. Теперь уж не увидишь.

Кассиди взглянул в сторону спальни, откуда под присмотром Элви Дюпюи выносили тело.

– Это Ариэль Уайлд, жена проповедника, – сообщил Гленн. – И его сын Джошуа.

Молодой человек посмотрел на Кассиди. Тот протянул руку и представился:

– Помощник окружного прокурора Кассиди.

Джошуа Уайлд пожал протянутую ему руку. Пожатие оказалось довольно крепким, хотя рука была мягкая, гладкая, ухоженная – не рука труженика. У Джошуа были выразительные карие глаза и темно-коричневые вьющиеся длинные волосы. Короче, он был хорош собой, даже немного слащав. Родись он пару веков назад и на другом континенте, быть бы ему завсегдатаем модных салонов, наверняка к тому же пописывал бы романтические стишки. Кассиди даже подумал, что Джошуа вряд ли играл когда-либо в бейсбол, ночевал на открытом воздухе или кутил с приятелями.

Речь его отличалась правильностью и мягкостью.

– Найдите этого злодея, мистер Кассиди.

– Я как раз и намереваюсь сделать это.

– И заставьте его ответить перед судом.

– Его? А вы уверены, мистер Уайлд, что убийцей вашего отца был мужчина?

Джошуа разволновался:

– Вовсе нет. Я лишь имел в виду... Я сказал это в общем смысле.

– Тогда вполне можно допустить, что это была женщина.

До этого момента вдова не проявляла интереса к разговору, она лишь плакала, комкая в руках бумажный носовой платок. Внезапно женщина откинула назад светлые прямые волосы и уставилась на Кассиди диким, фанатичным взглядом. В лице ее краски было не больше, чем в белой гипсовой лампе, стоявшей на краю столика, но на нем выделялись глаза удивительной красоты – голубые, опущенные длинными ресницами, на которых мерцали слезинки.

– Так в этом и состоит ваш метод расследования убийств, мистер... не могли бы вы еще раз назвать себя?

– Кассиди.

– Вы расследуете преступления, занимаясь пустопорожней болтовней?

– Бывает и так.

– Тогда вы ничем не лучше этого детектива. – Она презрительно ухмыльнулась, кивнув на Говарда Гленна. – Вместо того чтобы искать убийцу, он спрашивает нас с Джошем.

Кассиди и Гленн обменялись многозначительными взглядами. Детектив пожал плечами, тактично разрешая Кассиди вмешаться.

– Прежде чем начать искать убийцу, миссис Уайлд, – объяснил Кассиди, – мы должны с точностью установить, что же произошло с вашим мужем.

Она махнула рукой в сторону залитой кровью постели в соседней комнате и закричала:

– А разве еще не ясно, что произошло?

– Не все.

– Ну, хорошо, мы не знаем, как это случилось. – Театральным жестом она поднесла платок к бескровным губам. – Если бы мы знали, что прошлой ночью готовилось убийство, неужели, вы думаете, мы бы оставили Джексона одного в номере?

– Прошлой ночью вы оба покинули номер преподобного Уайлда. Где же вы были? – Кассиди присел на краешек дивана. Он внимательно посмотрел на вдову и ее пасынка. С виду оба выглядели не больше, чем на тридцать.

– Мы были в моем номере. Репетировали, – ответил Джош.

– Репетировали?

– Миссис Уайлд поет во время службы в церкви, – подсказал Гленн. – А мистер Уайлд аккомпанирует ей на фортепиано.

«Как разумно со стороны Джексона Уайлда – превратил свое пастырство в семейное предприятие», – подумал Кассиди. У него уже давно сложилось предвзятое отношение к телевизионным проповедникам, и до сих пор ничто не могло его изменить.

– Где ваш номер, мистер Уайлд? – спросил Кассиди.

– Дальше по коридору. Отец забронировал все номера на этаже.

– Зачем?

– Так уж сложилось. Это гарантировало его спокойствие. Поклонники отца чего только не придумывали, лишь бы оказаться поближе к нему. Он любил людей, но в перерывах между службами ему требовались покой и отдых. Они с Ариэль жили в этом номере. Я же занимал другой, такой же большой номер, где бы могло поместиться мое пианино.

Кассиди повернулся к новоиспеченной вдове.

– В этом номере две спальни. Почему вы не спали со своим мужем?

Миссис Уайлд презрительно фыркнула.

– Он уже спрашивал меня об этом. – Она снова бросила пренебрежительный взгляд в сторону детектива Гленна. – Прошлой ночью я вернулась поздно и не хотела нарушать покой Джексона. Он был так измотан, и я легла в соседней комнате.

– В котором часу вы вошли в номер?

– Я не обратила внимания.

Кассиди вопросительно посмотрел на Джошу.

– А вы заметили, в котором часу она покинула вас?

– Боюсь, что нет. Поздно.

– После полуночи?

– Значительно позднее.

Кассиди решил пока оставить этот вопрос.

– Вы разговаривали с мужем, когда вошли, миссис Уайлд?

– Нет.

– Просто вошли и поцеловали его, пожелав спокойной ночи?

– Нет. Я сразу прошла в свою спальню. Мне следовало бы зайти к нему, посмотреть, как он, – всхлипывая, произнесла она. – Но я думала, что он мирно спит.

Кассиди бросил строгий взгляд на Гленна, словно предупреждая его об очевидной несправедности. Будто не замечая этого, детектив сказал:

– К сожалению, миссис Уайлд обнаружила тело мужа лишь сегодня утром.

– Когда он не откликнулся на звонок будильника, – уточнила она. Голос ее дрогнул. Смятым бумажным платком она вытерла нос. – Он был там все это время... мертвый... пока я спала в соседней комнате...

Словно теряя сознание, она привалилась к Джошу. Он обнял ее за плечи и что-то нежно нашептал, уткнувшись ей в волосы.

– Думаю, на сегодня достаточно. – Кассиди поднялся.

Гленн проводил его до двери.

– Подозрительно все это, ты не находишь?

– Трудно сказать, – ответил Кассиди. – Внешне все выглядит вполне правдоподобно.

Гленн непроизвольно фыркнул, выуживая из кармана рубашки мятую пачку «Кэмел».

– Ты меня разыгрываешь? Все же ясно. Они друг от друга без ума и убрали священника, чтобы не мешал.

– Может быть, – уклончиво ответил Кассиди. – Но, может, и нет.

Гленн, закуривая, хитро взглянул на него.

– Ты случаем не подпал под обаяние этих милых голубых глазок, а, Кассиди? И всего этого маскарада? До того, как ты приехал, они оба молились во весь голос. – Гленн глубоко затянулся сигаретой. – Ты ведь не думаешь, что они говорят правду?

– Конечно же, я им верю. – Уже в дверях Кассиди обернулся и добавил: – Ровно настолько, насколько возможно пописать на ураганном ветру.

Кассиди спустился в лифте в вестибюль, который напоминал растревоженный улей. Вестибюль отеля «Фэрмон» был огромен, длиной едва ли не в целый квартал.

Обычно он казался эталоном изящества и роскоши – матовые черные стены, красная плюшевая мебель, золотая инкрустация. Но сегодня утром он был заполнен возбужденными, гневными людьми. Полиция тщетно пыталась не обращать внимания на агрессивных репортеров, которые сновали в поисках новых фактов, касающихся ошеломляющего убийства Джексона Уайлда. Постояльцы отеля, еще раньше приглашенные полицией в бальный зал для опроса, один за другим выходили оттуда; по их лицам было заметно, что выходили они с облегчением, однако тут же давали волю своему гневу. Обслуживающему персоналу тоже приходилось отвечать на вопросы полиции, а потом еще пытаться успокоить раздраженных клиентов.

Кассиди, усердно работая локтями, пробрался сквозь бурлящую толпу. Какая-то женщина со среднезападным акцентом громко высказывала свою версию о том, что в отеле скрывается психопат и всех их ждет участь быть расчлененными в собственных постелях.

Какой-то мужчина кричал во весь голос, что «они» услышат обо всем этом, хотя оставалось неясным, кто же такие «они» и о чем «они» услышат.

Ученики преподобного Джексона Уайлда, прослышав о смерти своего наставника и собравшись в вестибюле отеля, громко плакали и читали молитвы, пели церковные гимны, призывая Господа покарать нечестивца, осмелившегося поднять руку на его слугу.

Пробираясь к выходу на Университи-стрит, Кассиди пытался избежать внимания репортеров, но тщетно. В одно мгновение он оказался в плотном кольце.

– Мистер Кассиди, вы видели?..

– Ничего не видел.

– Мистер Кассиди, а...

– Никаких комментариев.

– Мистер Кассиди?..

– Позже.

Он маневрировал, прокладывая себе дорогу, увертываясь от камер и протянутых к нему микрофонов, отказываясь от интервью, пока не получит назначения от окружного прокурора Краудера официально заниматься расследованием дела об убийстве Уайлда.

Он полагал, что такое назначение от Краудера получит.

Нет, никаких предположений. Он просто обязан его получить.

Кассиди так стремился заняться этим делом, что даже чувствовал его на вкус. Более того, ему это было необходимо.

Ясмин величаво прошествовала через автоматические двери нью-орлеанского международного аэропорта. Носильщик, который рядом с ней казался пигмеем, замороженный видом ее длинных ног, открывавшихся из-под кожаной мини-юбки, тащился следом, толкая тележку с двумя чемоданами.

Заслышав гудок автомобиля, Ясмин отыскала взглядом «Шевроле Ле Барон» Клэр, запаркованный, как и договаривались, у обочины. Чемоданы переложили в багажник, который Клэр открыла нажатием кнопки на приборной доске автомобиля; носильщик, получив чаевые, удалился, и Ясмин, мелькнув загорелыми бедрами, юркнула на пассажирское сиденье, наполнив салон парфюмерным запахом гардении.

– Доброе утро, – сказала Клэр. – Как долетела?

– Можешь поверить в то, что произошло с Джексоном?

Клэр Лоран бросила взгляд через левое плечо и бесстрашно ринулась в хаотичный поток автобусов, такси, автофургонов, доставляющих и встречающих авиапассажиров.

– Что же он натворил на этот раз?

– Ты что, не слышала? – изумленно спросила Ясмин. – Боже, Клэр, чем ты занималась сегодня утром?

– Просматривала счета и... А почему ты спрашиваешь?

– Ты не смотрела новости по телевизору? Не слушала радио? – Ясмин прислушалась: в машине звучала кассета.

– Я специально избегала сводок новостей на этой неделе. Не хотела, чтобы мама наткнулась на очередное высказывание Джексона Уайлда в наш адрес. Кстати, мы получили еще одно приглашение на теледебаты с ним, я опять отказалась.

Ясмин все смотрела с изумлением на свою лучшую подругу и делового партнера.

– Ты действительно ничего не знаешь?

– Что? – рассмеялась Клэр. – Очередные нападки на «Французский шелк»? Что он сказал на этот раз – что мы будем гореть в аду? Порекомендовал исправиться или еще что-нибудь? Сетовал, что я разлагаю мораль американцев своим порнографическим изданием?

Ясмин сняла большие темные очки, которые она носила, когда не хотела быть узнанной, и взглянула на Клэр своими тигриными глазами, которые вот уже целое десятилетие украшали обложки бесчисленных модных журналов.

– Преподобный Джексон Уайлд уже больше ничего не скажет о тебе, Клэр. Он больше не будет оскорблять «Французский шелк» и наш каталог. Он уже ничего не сделает, дорогая. Этот тип заткнулся навсегда. Он отбросил копыта, – сказала она, переходя на жаргон своего детства.

– Он мертв? – Клэр резко затормозила.

– Мертвее не бывает, как говаривала моя мать.

Уставившись на подругу, побледневшая Клэр недоверчиво повторила:

– Мертв?

– Он явно кого-то утомил своими проповедями и наставлениями. Утомил настолько, что бедняге пришлось убить его.

Клэр нервно облизала губы.

– Ты имеешь в виду, что его убили?

Проезжавший рядом водитель разгневанно нажал на клаксон. Другой, объезжая их автомобиль, выразил свое раздражение красноречивым жестом. Клэр с трудом сняла ногу с тормоза и нажала на акселератор. Машина дернулась.

– Что с тобой? Я думала, ты захлопаешь от восторга. Хочешь, я поведу машину?

– Нет-нет, все в порядке.

– Ты выглядишь не лучшим образом. Откровенно говоря, просто дерьмово.

– У меня была тяжелая ночь.

– Мэри Кэтрин?

Клэр покачала головой:

– Нет, мучили плохие сны.

– Что за сны?

– Неважно. Ясмин, ты уверена насчет Джексона Уайлда?

– Я слышала в аэропорту, пока ждала багаж. У них там стоял телевизор. Вокруг столпились люди. Я спросила у кого-то, что происходит, думала, опять что-то стряслось – вроде взрыва «Челленджера». А тот мужчина мне и сказал: «Этот телепроповедник договорился до того, что получил пулю в лоб прошлой ночью». А поскольку у меня особый интерес к одному такому проповеднику, я, естественно, пробралась поближе к телевизору и сама услышала новости.

– Его убили в «Фэрмоне»?

Ясмин удивленно взглянула на подругу.

– Откуда ты знаешь?

– Я слышала, что он там остановился. От Андре.

– А, Андре. Я совсем забыла о нем. Бьюсь об заклад, у него сегодня утром опять истерика. – Прежде чем Ясмин смогла продолжить свои рассуждения об их общем приятеле, Клэр задала еще один вопрос:

– Кто обнаружил тело?

– Его жена. Сегодня утром она нашла его в постели с тремя пулевыми ранениями.

– О боже. И в котором часу это было?

– В котором часу? Господи, откуда ж мне знать. Они не сказали. Да и какая разница? – Ясмин сняла с головы шарф и тряхнула длинными, словно у Афродиты, волосами, которыми она так славилась. Из огромной сумки выудила несколько браслетов и нанизала их на свои изящные руки. Затем настала очередь гигантских серег-колец. И вот, без каких-либо косметических ухищрений, возник образ самой популярной «цветной» фотомодели.

– Кого-нибудь уже арестовали?

– Нет. – Ясмин нанесла на губы коралловый блеск. Слегка подкрасив румянами щеки, она придиричиво осмотрела себя в зеркальце.

Хотя час пик уже прошел, движение на автостраде было, как всегда, интенсивным. Клэр умело преодолевала заторы и чувствовала себя уверенно. Она прожила в Нью-Орлеане всю жизнь. Поскольку Ясмин теперь приходилось делить свое время между Новым Орлеаном и Нью-Йорком, Клэр обычно встречала ее в аэропорту.

– Убийца оставил какие-нибудь следы? Нашли его оружие?

Ясмин в нетерпении захлопнула зеркальце.

– Это была лишь сводка новостей, понимаешь? Детали не обсуждались. Репортеры там охотились за каким-то парнем из прокуратуры, добивались, чтобы он сделал заявление, но он так ничего и не сказал. А почему это тебя так интересует?

– Мне не верится, что он мертв. – Клэр слегка запнулась, прежде чем произнести последнее слово, как будто вымолвить его ей было не под силу. – Вчера вечером он еще читал проповедь в Домском соборе.

– В новостях как раз показывали сюжет об этом. Он был снят крупным планом – лицо красное, белые волосы дыбом, кричит что-то об огне и потопе. Призывает каждого американца встать на колени и молить о прощении. – Ясмин нахмурила красивые брови. – Как Господь Бог может слышать чьи-либо молитвы, если этот Уайлд так орет? – Она поморщилась. – Я рада, что его наконец заткнули. Теперь он не будет маячить на нашем пути.

Клэр сурово посмотрела на Ясмин:

– Тебе не следует так говорить.

– Почему нет? Я так чувствую. Естественно, я не собираюсь рыдать и притворяться, что оплакиваю его уход, – саркастически заметила Ясмин. – На их месте я бы медаль вручила тому, кто избавил эту страну от такой заразы.

Преподобный Джексон Уайлд, выступая со своими проповедями по телевидению, вел крестовый поход против порнографии. Свой телевизионный выпуск он объявлял священной миссией и торжественно клялся вырвать с корнем безобразие и бесстыдство из душ американских граждан. Гневные проповеди Уайлда ввергали в исступление тысячи его приверженцев. Нападкам подвергались художники, писатели – вообще деятели искусства; их работы запрещались, а кое-где подвергались осквернению.

Многие сходились на том, что крестовый поход, объявленный телеевангелистом, – угроза пострашнее, чем простой запрет порножурналов. Его рассматривали как ущемление прав человека. Юридических определений того, что считать непристойным, как таковых не существовало, Верховный суд США так и не преуспел в разработке четких понятий, и потому зачастую

точка зрения Уайлда принималась за критерий при оценке того или иного произведения. Против этого и протестовали оппоненты неистового проповедника.

Разразилась война идей и мнений. В городах, больших и малых, сражения шли в кинотеатрах, книжных магазинах, библиотеках, музеях. Несогласные с преподобным Уайлдом были объявлены «неверующими язычниками», еретиками, ведьмами и предавались анафеме.

Поскольку Джексон Уайлд не обошел своим вниманием и каталог модного нижнего белья «Французский шелк», Клэр, как его создатель, предстала в глазах публики в нежелательном свете. Месяц за месяцем проповедник буквально изничтожал каталог, поместив его в один ряд с самыми откровенными порнографическими журналами. Ясмин была согласна с Клэр в том, что им лучше игнорировать Уайлда и его нелепые обвинения, чем пытаться защищать то, что вовсе в защите не нуждается.

Но игнорировать Уайлда оказалось не так-то просто. Когда его проповеди не привели к ожидаемой цели – теледебатам, он использовал свою кафедру проповедника, напрямую атакуя Ясмин и Клэр, объявив их распутными, похотливыми Иезавелями наших дней. Его нападки стали еще более яростными, когда неделю назад он объявился в Нью-Орлеане, родном доме «Французского шелка». Ясмин была в это время в Нью-Йорке, так что Клэр пришлось принять на себя всю тяжесть наносимых Уайлдом оскорблений.

Вот почему Ясмин и была озадачена реакцией Клэр на известие о его смерти. «Французский шелк» был детищем Клэр, ее идей. Деловая хватка, живое воображение, интуиция – все это позволило Клэр превратить посылочную торговлю в преуспевающий, доходный бизнес, который для Ясмин оказался спасением, так как вдохнул свежую струю в ее угасающую карьеру. Но об этом не догадывалась даже Клэр. И вот теперь мерзавец, угрожавший положить конец всему этому, был мертв. Ясмин считала его смерть поводом для торжества. Клэр, однако, рассуждала иначе:

– Поскольку Уайлд объявил нас своими врагами, не думаю, что теперь, когда он убит, нам следует демонстрировать свою радость по поводу его смерти.

– Меня обвиняли во многих грехах, Клэр, но только не в двуличии. Я всегда говорю прямо, без обиняков. Что чувствую – то и говорю. Ты росла в тепличных условиях, в то время как я зубами и ногтями цеплялась за жизнь в Гарлеме. Я и сейчас иду по жизни шумно, с грохотом, а ты лишь порхаешь. У меня глотка шириной с туннель Линкольна. Твой же голос льется, как растопленное масло.

Но должен же быть предел и твоему терпению, Клэр Луиз Лоран. Этот проповедник доставал тебя больше года, с того дня, как впервые обрушился на «Французский шелк» со своей поганой кафедры. Это все равно что твоего ребенка публично выпороли бы за шалости.

Ты противостояла его узколобой критике с достоинством и честью, но теперь, положила руку на сердце, скажи: неужели ты не рада, что этот гнусный сукин сын мертв?

Клэр безучастно уставилась перед собой.

– Да, – медленно проговорила она тихим голосом. – В глубине души я рада, что он мертв.

– Хм. Однако сейчас, пожалуй, тебе лучше последовать своему же совету и приготовить для них какое-нибудь другое заявление.

– Для них? – Клэр словно очнулась. Ясмин обратила ее внимание на скопление людей впереди. Вдоль Петерс-стрит, прямо напротив здания «Французского шелка», выстроились фургончики телевидения. Вокруг них толпились репортеры и операторы.

– Черт возьми! – пробормотала Клэр. – Я вовсе не хочу быть втянутой в это дело.

– Ну, возьми себя в руки, детка, – сказала Ясмин. – Ты была одной из самых любимых мишеней Джексона Уайлда. Так что, хочешь ты этого или нет, ты уже по уши увязла в этой истории.

2

– В последних трех делах тебе не удалось добиться обвинительного приговора.

Кассиди ожидал этого аргумента, но все равно критика была неприятна. Решив не обнаруживать волнения, он придал уверенности своему голосу:

– Все мы знали, Тони, что наши шансы в тех трех делах были слабоваты. В каждом из них адвокатам на суде нечего было говорить, кроме как: «Докажите». Я сделал все возможное при наличии того мизера доказательств, и ты знаешь это как нельзя лучше.

Окружной прокурор Энтони Краудер ощупал свой жилет короткими волосатыми пальцами и откинулся в кожаном кресле:

– Наш разговор несколько преждевременный. Полиция еще даже никого не арестовала. На поиски могут уйти месяцы.

Кассиди упрямо покачал головой:

– Я хочу заниматься расследованием параллельно с ними, чтобы быть уверенным, что ни одна улика не ускользнула.

– Но тогда у меня будут сложности с комиссаром полиции из-за твоего вмешательства в дело, касающееся сугубо их департамента.

– Я рад, что ты заговорил о комиссаре. Вы же приятели. Поговори с ним. Постарайся, чтобы назначили Говарда Гленна на расследование дела Уайлда.

– Этого убогого?

– Он был первым, кто прибыл на место преступления. И к тому же он хороший сыщик. Лучший.

– Кассиди...

– Не беспокойся, я не превышу своих полномочий. Пушу в ход все свои дипломатические способности.

– У тебя их вовсе нет, – напомнил ему прокурор. – За те пять лет, что ты работаешь в прокуратуре, кое-что ты сделал довольно неплохо, но вообще-то ты мне всегда доставлял головную боль, вмешивался куда не следует.

Кассиди самодовольно ухмыльнулся. Несмотря на грубоватое замечание Тони Краудера, он знал, как на самом деле относится к нему окружной прокурор. Негласно Кассиди считался наиболее вероятным преемником Краудера. И хотя он частенько сердил старика, Краудер не мог не признать, что Кассиди сочетает в себе ту же амбициозность, отвагу и выдержку, которые когда-то отличали его самого и определили его карьеру.

– Я выступал обвинителем и выиграл процессов больше, чем любой юрист в прокуратуре, – без ложной скромности сказал Кассиди.

– Знаю, – огрызнулся Краудер. – Не надо напоминать мне об этом. Но от тебя и неприятностей было больше.

– Нельзя добиться чего-то, если боишься поднять волну.

– У тебя не просто волны, а настоящий шторм.

Кассиди сел напротив и уставился на Краудера. Прямой взгляд его серых глаз всегда действовал безотказно, производя впечатление и на трудных свидетелей, и на циничных судей, и на скептиков-присяжных, а в обыденной жизни он придавал особую значимость даже пустяковой беседе.

– Отдай мне это дело, Тони.

Пока Краудер раздумывал, в дверях возникла голова секретарши.

– Ариэль Уайлд дает пресс-конференцию. Ее передают в прямом эфире по всем телеканалам. Подумала, что вам это может быть интересно. – Секретарша исчезла, закрыв за собой дверь.

Краудер потянулся к пульту и включил телевизор, стоявший в углу кабинета.

На экране возникло бледное лицо вдовы. Она выглядела такой хрупкой и незащищенной, словно сошедший на землю ангел, но в голосе звучали стальные нотки:

– Эта трагедия не сможет остановить крестового похода, который повел мой муж против слуг дьявола. – Преданные поклонники Уайлда, теснившие полицейских, репортеров, фотографов, плотным кольцом окружавшие вдову, приветствовали это заявление дружными возгласами «аминь». – Сатана видел, что мы одерживаем победу в этой борьбе. Ему пришлось пойти на отчаянные меры. Сначала он использовал этот город коррупции и разврата в качестве оружия против нас. Городские власти отказались обеспечить моему мужу круглосуточную охрану, которую он просил.

– Вот дерьмо, – простонал Краудер. – Зачем же позорить город? Ведь весь мир смотрит.

– Только ей одной известно зачем. – Кассиди встал со стула и пересел поближе к телевизору.

Вдова продолжала свою речь, и слезы текли по ее бледным щекам.

– Этот прекрасный город погряз в грехе и коррупции. Пройдитесь по Бурбон-стрит, и вы убедитесь, что дьявол мертвой хваткой держит в своих руках Нью-Орлеан. Джексон Уайлд был воплощенной совестью, он честно признавал то, что город превратился в выгребную яму, рассадник преступности и грязных нравов.

Лишь те, кто пришел сейчас сюда, чтобы выразить свою скорбь по поводу кончины моего мужа, понимали и поддерживали Джексона, в то время как местные власти отвергали его, не ценя его кристальной честности.

Камера выхватила из толпы мрачные лица судьи, конгрессмена и нескольких городских чиновников. Краудер грубо прокомментировал:

– Тоже мне, политики.

– К моему мужу относились с безразличием, граничащим с враждебностью! – уже кричала Ариэль Уайлд. – Это безразличие к его безопасности стоило ему жизни!

Когда в толпе стих гул одобрения, она продолжила:

– И вот дьявол насрал одного из своих демонов, чтобы заставить замолчать преподобного Джексона Уайлда, сразив его пулей в сердце. Но нас не заставят молчать! – крикнула она, воздев свои тонкие руки и потрясая кулаками. – Мой любимый Джексон сейчас вместе с Господом. Возблагодарим Бога за дарованные ему покой и мир, которые он заслужил при жизни.

– Хвала Господу! – эхом откликнулась толпа.

– Но моя работа не закончена. Я продолжу крестовый поход, начатый Джексоном. Мы обязательно выиграем эту войну против грязи, которой оскверняют наши сердца и умы! Эта война не окончится, пока Америка не очистится от отбросов, заполонивших ее театры и книжные полки, пока ее музеи не освободятся от порнографии, именуемой сегодня искусством. Наша цель – превратить эту страну в идеал, которому будет следовать весь мир, в нацию, воспитывающую своих детей в чистоте и святости.

Разразился восторженный рев. Полиции с трудом удавалось сдерживать бушующую толпу. Ариэль Уайлд, явно выдохнувшаяся и находящуюся на грани срыва, увели под руки. Поклонники Уайлда сомкнулись защитным кольцом вокруг нее.

Крупным планом камера выхватывала заплаканные лица, горестные взгляды, губы, шепчущие молитвы. Скорбящие взялись за руки и запели в унисон гимн Джексона Уайлда «Вперед, солдаты Христа».

Тони Краудер выключил телевизор.

– Чертовы лицемеры. Если уж они так волнуются за нравственность своих детей, почему не сидят с ними дома и не учат их тому, что хорошо и что плохо, вместо того чтобы митинговать по поводу кончины святого? – Он вздохнул и спросил, кивнув в сторону телевизора: – Ты уверен, что хочешь ввязаться в эту историю, Кассиди?

– Абсолютно.

– Между нами говоря, это скорее всего будет напоминать цирк с тремя аренами, особенно когда полиция начнет задерживать подозреваемых.

– Число которых уже сейчас подходит к шестистам – всех, кто прошлой ночью находился в «Фэрмоне» и поблизости.

– Я бы быстренько сузил его до двоих – вдовы и пасынка.

– В моем списке они тоже лидируют, – усмехнулся Кассиди. – Так могу я считать, что дело числится за мной?

– Пока да.

– Ну же, Тони!

– Пока да, – громко повторил старикан. – Ты лезешь в пекло, а ведь будет еще горячее. Мне даже страшно подумать, что случится, если ты тронешь Ариэль Уайлд. Ее любят, обожают так же, как и мужа. Ты можешь спровоцировать грандиозные беспорядки, если вдруг случится так, что придется арестовывать ее за убийство.

– Да, придется побороться, я уверен. Но я готов к этому. – Кассиди вернулся к своему стулу и сел. – Я уже бывал в передрягах, Тони. Меня они не беспокоят.

– Не беспокоят, черт возьми. Да, ты преуспел в них изрядно.

– Мне нравится побеждать. – Кассиди смело встретил взгляд шефа. Ухмылка исчезла с его лица, а губы сжались в тонкую твердую линию. – Вот почему мне так необходимо это дело, Тони. Я уже не шучу. Мне нужна победа. Очень нужна.

Краудер понимающе кивнул, оценив искренность своего протеже.

– Есть не столь щекотливые дела, которые я мог бы предложить тебе, если победа – это единственное, что тебе нужно.

Кассиди покачал головой.

– Мне нужна блистательная победа, и в этом смысле привлечение к ответу убийцы Джексона Уайлда может стать одним из самых громких процессов года, если не всего десятилетия.

– Так тебя волнуют заголовки в прессе и крупные планы в шестичасовом выпуске новостей? – нахмурившись, спросил Краудер.

– Ты хорошо знаешь меня, так что я не стану комментировать твое замечание. С этого утра я принял дело Джексона Уайлда. Мне совсем не нравятся этот проповедник и его идеи. Фактически я не согласен ни с одной из них. Его понимание христианства противоречит тому, чему меня учили в воскресной школе.

– Ты посещал воскресную школу?

Кассиди проигнорировал и эту колкость и упрямо продолжил свою мысль:

– Каков бы ни был этот Уайлд, он все-таки был человек и имел право дожить до глубокой старости. Кто-то же лишил его этого права. Раздетый и беззащитный, он был убит кем-то, кому доверял.

– Откуда такое предположение?

– Ни на одной из дверей в номере не было следов насильственного вторжения. Замки не взломаны. Так что одно из двух: либо у убийцы был ключ, либо Джексон сам впустил его. Очевидно, Джексон лежал в постели – он или спал, или разговаривал с убийцей. Он был религиозным фанатиком, возможно, самым опасным со времен Распутина, но все равно он не заслужил того, чтобы кто-то хладнокровно пустил ему пулю в лоб.

– И в сердце, и в яйца тоже, – добавил Краудер.

Кассиди прищурился:

– Вот это-то и странно, не так ли? Выстрелов в голову и сердце было более чем достаточно, чтобы убить. Зачем же еще нужен был этот третий выстрел?

– Убийца был взбешен.

– Причем изрядно. Похоже на уязвленное самолюбие. Женская месть, может быть?

– Ты думаешь, жена его прикончила? Допускаешь, что у него, как и у многих праведников, под боком находилось какое-нибудь милое молоденькое создание и Ариэль стало известно об этом?

– Не знаю. Только у меня сильное подозрение, что убийцей была женщина.

– Почему?

– Это единственное разумное объяснение, – сказал Кассиди. – Если бы ты был женщиной и хотел отомстить мужчине, куда бы ты выстрелил?

Клэр едва дышала, когда наконец поднялась в свою квартиру, находившуюся в том же доме, где и офис «Французского шелка». Из соседней комнаты до нее доносился разговор матери с Ясмин, но она не стала к ним заглядывать, а незаметно проскользнула прямо в свою спальню, закрыв за собой дверь.

Появление Клэр и Ясмин вызвало необычайное оживление среди репортеров, окруживших здание. Как только женщины вышли из машины, они сразу же оказались в плотном кольце. Клэр попыталась было проскочить в здание, но потом поняла, что ее бегство лишь продлит осаду. Пресса не оставит ее в покое, пока она не сделает заявления. Репортеры будут мешать ей работать, раздражать соседей и, не дай бог, причинят беспокойство матери.

За высказывания Ясмин Клэр никогда не могла ручаться, так что она попросила подругу подняться домой и проследить, чтобы Мэри Кэтрин оставалась в неведении о происходящем. Покрутившись перед камерами, Ясмин удалилась.

На Клэр обрушился шквал вопросов, она едва успевала уловить обрывки одного, как тут же следовал другой. Ответить на все было невозможно, да этого и не требовалось. В конце концов она подняла руки, попросив тишины. Обратившись к микрофонам, Клэр сказала:

– Хотя преподобный Уайлд и объявил меня грешницей и своим врагом, я глубоко сожалею о его смерти. Приношу искренние соболезнования его семье.

Она направилась к входу в здание, но путь ей преградили горластые репортеры.

– Мисс Лоран, правда ли, что, несмотря на неоднократные приглашения, вы отказывались от дебатов с преподобным Уайлдом?

– Это были не приглашения, а вызовы на дуэль. Единственное, чего я хотела, так это чтобы меня оставили в покое и дали возможность заниматься делом.

– Как бы вы ответили на его заявления о том, что...

– Мне больше нечего добавить.

– Кто убил его, мисс Лоран?

Вопрос словно сбил ее с ног. Клэр в изумлении посмотрела на лысоватого репортера, задавшего столь грубый вопрос. Самодовольно ухмыляясь, он дерзко смотрел на нее. Вокруг все притихли в ожидании ответа.

И в это мгновение Клэр вдруг осознала, что ее конфликт с Джексоном Уайлдом не окончен. Он мертв, но она от него не избавилась. Более того, самое худшее могло быть впереди. Почему репортер задал ей вопрос об убийстве? У него что, есть надежный источник информации в полиции? Или он лишь передает слухи?

Хотя Клэр и старалась не подавать виду, страх ледяными пальцами коснулся ее. Несмотря на жару и высокую влажность на улице, она почувствовала сильный озноб.

– Извините меня. Это все, что я могу сказать.

Расталкивая репортеров, она с трудом добралась до входной двери и почувствовала себя в безопасности, лишь когда оказалась наверху, в своих апартаментах. То, с чем она только что столкнулась, взволновало ее до дрожи. Одежда прилипла к ее взмокшему телу, и она быстро сорвала все с себя. В ванной, наклонившись над умывальником, она прохладной водой ополоснула лицо, плечи, грудь и руки.

Слегка посвежевшая, Клэр надела хлопчатобумажный спортивный костюм – одну из наиболее популярных моделей летнего каталога «Французского шелка» – и стянула волосы в конский хвост. Выйдя из ванной, она задумчиво посмотрела на массивный платяной шкаф вишневого дерева, стоявший в ее комнате.

Три года назад, когда она выбрала это помещение старого склада под офис «Французского шелка», его верхний этаж переоборудовали под жилые апартаменты. Всего лишь второй раз в жизни Клэр меняла место жительства. До этого переезда она жила в доме тети Лорель на Ройал-стрит рядом с Эспланадой.

После смерти тети Лорель Клэр и Мэри Кэтрин уехали из ее дома, но Клэр все никак не могла решиться вывезти оттуда все вещи и продать дом. Она не могла позволить себе избавиться от вещей тети Лорель, ведь эта смешная леди, которую так недобро за глаза называли старой девой, испытывала огромную радость от своих безделушек – наверное, потому, что они заменили ей и мужа, и детей. Так что все в доме на Ройал-стрит осталось в неприкосновенности.

Шкаф вишневого дерева был единственным исключением. Лишь его Клэр перевезла с собой на новую квартиру. Она всегда восхищалась им. Его линии прекрасно вписывались в современный дизайн квартиры. Клэр даже попросила архитектора сделать специальный проект для спальни с учетом габаритов шкафа.

Клэр подошла к нему, открыла дверцы и, опустившись на колени, потянула нижний ящик. Пришлось приложить усилие – настолько он был тяжел, набитый доверху вырезками из газет и журналов. Даты, проставленные на них, относились к последним семи годам.

Несколько часов провела Клэр, склонившись над этими вырезками, читая и перечитывая их, вновь переживая все с ними связанное. Ей было жаль расставаться с этой коллекцией. Ведь за последние годы она стала ее хобби – увлекательным и волнующим.

Но сейчас, пожалуй, лучше было бы избавиться от этого. Причем немедленно. Было бы безрассудством хранить эти печатные свидетельства каждого шага преподобного Джексона Уайлда.

Номер в отеле превратился в проходной двор. Какие-то люди беспрерывно сновали туда-сюда. Одни приходили просто полюбопытствовать, другие искренне пытались помочь. Все, казалось, были обескуражены внезапной потерей лидера и бесцельно слонялись по комнатам, собираясь небольшими группками и вновь разбредаясь, качая головами, со слезами в голосе повторяя одно и то же: «Просто не верится».

После беседы с Кассиди Ариэль пришлось покинуть номер «Сан-Луи». Ее новые апартаменты были меньше и гораздо скромнее. В покое ее не оставляли. Постоянный поток скорбящих сводил с ума. Ариэль дала знак Джошу, который оказался рядом. Они о чем-то быстро и взволнованно переговорили, и Джош, повысив голос, попросил всеобщего внимания:

– Ариэль крайне утомлена. Не могли бы мы попросить вас освободить сейчас номер, дав ей возможность немного отдохнуть? Если нам что-то понадобится, мы дадим вам знать.

Поклонники Уайлда вышли из комнаты, потерянные и несчастные. Они с сочувствием смотрели на вдову, которая сидела, забившись в угол дивана, поджав под себя ноги. Ее черное платье, казалось, поглотило ее, она словно растаяла в нем, убитая горем.

Как только Джош закрыл дверь за последним посетителем, Ариэль выпрямилась и спустила с дивана ноги.

– Слава богу, ушли. И выключи эту чертову штуку. Я не хочу смотреть на нее. – Ариэль кивнула в сторону телевизора. Звука почти не было слышно, а на экране крупным планом показывали лицо женщины, которая пыталась избежать коварных расспросов репортеров.

– Кто это? – спросил Джош.

– Эта штучка из «Французского шелка». Минуту назад ее имя светилось на экране.

– Так это, значит, и есть Клэр Лоран, – сказал Джош, немного отстранившись от телевизора, чтобы получше разглядеть Клэр. – Мне было интересно, как она выглядит. У нее вовсе нет рогов и острого хвоста, как убеждал всех отец. Не похожа она и на распутную женщину. Я бы даже сказал, совсем наоборот.

– Кого волнует твое мнение! – Ариэль прошла к телевизору и выключила его.

– Разве тебе не интересно, что скажет мисс Лоран? – спросил Джош.

– Ничуть. Она свое получит, но только не сегодня. Всему свое время. Закажи мне что-нибудь поесть, хорошо? Я ужасно голодна. – С этими словами она исчезла в соседней комнате.

Джошуа Уайлд, двадцативосьмилетний сын Джексона Уайлда от первого брака, набрал телефон ресторана и заказал для мачехи легкий ужин. Он подумал, что безутешная вдова вряд ли испытывает волчий аппетит. Себе он заказал муффулетту – нью-орлеанский сэндвич, который ему очень понравился.

Ожидая, пока принесут заказ, он подошел к окну и посмотрел вниз, на улицу. Люди спешили по своим делам, как будто ничего и не произошло. Неужели они не слышали? Джексон Уайлд мертв.

Джош до сих пор еще не осознал этого, хотя видел и тело, и залитую кровью постель. Он, правда, не ожидал, что уход отца станет столь значительным событием. Никогда больше не ощутят они его бешеной энергии, не услышат его голоса – звонкого и чистого в молитве, резкого в гневе и негодовании. Никогда больше Джош не встретит холодного, пристального взгляда отца, который выражал то разочарование, то отвращение, но всегда был критикующим.

Семь лет назад умерла мать Джоша, Марта, умерла так же тихо, как и прожила свою жизнь. Джош получил известие о ее внезапной кончине от сердечного приступа, когда находился в Нью-Йорке, где учился в консерватории. Ему не удалось приехать проститься с матерью. Жизнь этой бедной женщины была такой тусклой и малозначимой, что ее кончина никоим образом не нарушила привычного ритма отцовского предприятия. Как раз в это время Джексон активно работал над расширением сферы своего влияния, завоевывая кабельное телевидение. Он был неистощим, одержим работой. Сразу же после похорон жены Джексон вернулся в офис, чтобы наверстать упущенное за то время, что провел на траурной церемонии.

Джош так и не простил отцу такой бессердечности. Потому сейчас и не чувствовал вины за разыгравшийся аппетит, от которого буквально сводило желудок, хотя всего лишь несколько часов назад он видел окровавленное тело отца.

Потому и не было стыдно за адюльтер со второй женой отца. Джош считал, что бывают грехи оправданные, хотя и не мог сослаться на библейские заповеди, подтверждающие эту его мысль.

Ариэль была всего лишь на два года старше Джоша, но сейчас, вышедшая из спальни в облегающей майке, с собранными на затылке волосами, выглядела на несколько лет моложе. Ариэль была босиком.

– Ты заказал что-нибудь на десерт?

Джексон всегда поддразнивал жену-сластену и своими колкостями портил ей настроение, доводя дело до конфликтов.

– Шоколадный торт, – ответил Джош.

– Вкусно.

– Ариэль?

– Да!

Он подождал, пока она повернется к нему лицом.

– Всего лишь несколько часов назад ты обнаружила тело своего мертвого мужа.

– Ты что, пытаешься испортить мне аппетит?

– Пожалуй, да. Ты хоть немного огорчена происшедшим?

Ариэль помрачнела и ответила с вызовом:

– Ты же знаешь, сколько слез я пролила.

Джош невесело рассмеялся:

– Ты их льешь с того самого вечера, как пришла к отцу с просьбой помолиться за твоего брата, которому вынесли пожизненный приговор. Ты тронула сердце отца и на следующей же службе пела на подиуме.

Я замечал, что тебе удается очень умело использовать свои слезы. Другие могут принимать их за искренние, но я-то знаю правду. Ты плачешь только тогда, когда это тебе выгодно или что-то нужно. И никогда потому, что просто грустно и хочется плакать. Ты слишком эгоистична, чтобы печалиться о чем-то или о ком-то. Злая, ревнивая – может быть, но печальная – никогда.

Ариэль за годы замужества заметно похудела, но соски оставались большими и выпуклыми. Джош ненавидел себя за то, что обратил на это внимание, разглядев их под мягкой тканью майки. Ариэль уперла руки в бедра.

– Джексон Уайлд был злобный, подлый, самодовольный сукин сын. – Ее голубые глаза смотрели не мигая. – Его смерть не испортит мне аппетит, потому что я ничуть не огорчена тем, что он мертв. Единственное, что меня сможет огорчить, – так это если пошатнутся наши дела.

– Но ты уже обо всем позаботилась во время пресс-конференции.

– Ты прав, Джош. Я заложила основу для продолжения нашего предприятия. Должен же хоть кто-нибудь думать о будущем, – язвительно добавила она.

Словно почувствовав головную боль, Джош прижал кончики своих длинных тонких музыкальных пальцев к вискам и зажмурился.

– Боже, как ты холодна. Всегда все рассчитано, спланировано. Неутомима.

– Я всегда была вынуждена быть такой. Я не росла в роскоши, как ты, Джош. Ты вот называешь поместье своего деда под Нэшвиллом фермой. – Ариэль усмехнулась. – У моей семьи была настоящая ферма. Грязная и провонявшая навозом. Я не помогала конюху ухаживать за породистыми лошадьми, как это делал ты – по настроению. Хотелось мне этого или нет, я должна была полоть сорняки, лущить горох, носить похлебку борову, чтобы к ноябрю, когда придет пора его резать, он набрал хороший вес.

У меня была лишь одна пара туфель. Девчонки в школе смеялись надо мной, над моими обносками. С двенадцати лет мне уже приходилось по субботним вечерам отбиваться от грязных мужиков, а на следующее утро, когда я пела на воскресной службе, лицедреть с церковных хоров их самодовольные рожи. О да, мы всегда ходили в церковь по воскресеньям и слушали проповеди, восхваляющие бедность. Но я никогда не верила ни единому их слову.

Она тряхнула длинными прямыми светлыми волосами:

– Я была бедной, Джош. А бедность делает тебя злым. Вселяет отчаяние. И приходишь до того, что уже готова на все, лишь бы вырваться из нищеты. Вот почему мой братишка оказался в тюрьме и просидит там до конца своей жизни. После того как его осудили, я поняла, что мне нужно предпринять что-то кардинальное или я закончу еще хуже, чем он. Так вышло, да, но я пошла к твоему отцу, вся в слезах. И даже если бы он попросил меня подтереть ему зад или трахнуть с ним тут же, на месте, я бы и это сделала.

Я узнала от него, что все в этом мире решают деньги. Быть богатым и подлым намного лучше, чем бедным и подлым. Когда ты беден, ты расплачиваешься тюрьмой за свою подлость, но, если ты богат, можно делать все, что тебе нравится, и никто не посмеет тронуть тебя. Да, я практична, согласна. Но я такой и останусь до конца своей жизни, потому что не собираюсь возвращаться к бедности.

Ариэль сделала паузу, чтобы перевести дух.

– Не пытайся убедить меня, что ты огорчен смертью отца, Джош. Ты ненавидел его так же, как и я, если не больше.

Джош боялся посмотреть в ее сторону, чтобы не встретиться с ее прямым взглядом.

– Я понимаю, что со стороны могу показаться неискренним. Я не чувствую угрызений совести. Но не чувствую и облегчения, которого ожидал.

Ариэль подошла к нему и обняла.

– Неужели ты не понимаешь, Джош? Если мы хорошо сыграем свои роли, это может стать началом новой жизни для нас обоих. Публика нас любит. Мы можем продолжать наше дело и жить гораздо лучше, без его вечных придировок и наставлений.

– Ты что, в самом деле думаешь, что наша обожаемая публика примет нас как супружескую пару, Ариэль? – Он невольно улыбнулся ее наивности. А может быть, его позабавила ее ненасытность?

Но ведь он и в самом деле не вправе упрекать ее за это. Ей не выпало в детстве тех привилегий, которыми пользовался он, принимая их как должное. Еще до того, как слава Джексона Уайлда стала столь громкой, у него уже были преданные и щедрые почитатели. Доход его всегда был значительным, а с наследством Марты стал еще более весомым. Так что Джош никогда ни в чем не нуждался.

В первый раз, когда он увидел Ариэль, на ней было дешевое, кричащих оттенков платье, и вся она была увешана незатейливой бижутерией. Ее речь и грубый акцент резали слух. Но, несмотря на это, Джош был восхищен ее смелостью, когда она подошла к отцу, попросив помолиться за ее осужденного брата.

Теперь она была совсем другой – изящной, ухоженной, речь ее стала чистой и правильной. Но Джош знал, что, глядя на себя в зеркало, Ариэль по-прежнему видела пухленькую, взъерошенную, растерянную девчонку, отчаянно пытающуюся изменить свою жизнь. Когда она смотрела на свои пальцы с безукоризненным маникюром, она все еще видела под ногтями садовую грязь.

– Со временем люди смиряются с нашими отношениями, – говорила Ариэль, – если мы почаще будем упоминать имя Господне. Мы можем сказать, что пытались побороть в себе романтическую любовь друг к другу, потому что это казалось нам грехом. Но мы молились, изучали Библию, и Господь убедил нас, что на все его воля. Публика это проглотит. Все же любят счастливый конец. – Она нежно коснулась его губ, слегка поддразнивая легким поцелуем. – Ты нужен мне сейчас, Джош.

Он крепко зажмурился, пытаясь побороть в себе желание, которое уже начало овладевать им.

– Ариэль, нам не следует быть вместе какое-то время. Подумают...

Она теснее прижалась к нему:

– Кто и что подумает?

– Полиция... этот Кассиди из прокуратуры. Мы же в числе подозреваемых.

– Не будь глупцом, Джош. У нас же есть алиби, ты что, забыл?

Ее беспечность раздражала, но побороть соблазн было трудно. Вместо того чтобы оттолкнуть, он приподнял ее майку и обхватил за талию, грубо прижав к себе. Их губы сомкнулись. Его язык впился в ее влажный, алчущий рот, а пальцы нежно гладили ее бедра.

Его член уже был влажным и горячим. Одежда мешала и раздражала. Но стоило ему потянуться к «молнии» на джинсах, как в дверь постучали.

– Принесли обед, – вздохнула Ариэль. Она еще раз поцеловала Джоша, провела рукой по расстегнутой ширинке и высвободилась из его объятий. – Попроси официанта отнести поднос в спальню. Сначала поедим.

– Кассиди?

– Слушаю. – Он ловко зажал между плечом и подбородком телефонную трубку, пытаясь одновременно приглушить звук телевизора и избавиться от крошившегося сэндвича и банки с пивом.

– Это Гленн. Меня официально назначили на расследование дела Уайлда.

Хорошо, подумал Кассиди, Краудеру все-таки удалось это. Детектив Говард Гленн будет тем самым связующим звеном между ним, Кассиди, и полицейским управлением. Раз Гленн уже набрал себе команду и приступил к расследованию, он, Кассиди, начнет получать самую свежую информацию о ходе дела.

Кассиди знал, что с Гленном работать тяжело. Но он также знал, что необязательность и неаккуратность детектива распространяются на все, что угодно, кроме работы, поэтому согласен был закрыть глаза на изъяны его характера, отдавая должное компетентности и профессионализму Гленна.

– Что-нибудь уже есть? – спросил Кассиди, откладывая безвкусный сэндвич.

– Отчет из лаборатории. Мы его как раз сейчас изучаем.

– Ну и что там интересного на первый взгляд?

– Никаких впечатлений, кроме его собственных, жены и горничной, обслуживавшей этот номер. Конечно, есть сотни следов, которые принадлежат всем тем, кто останавливался в номере раньше.

Кассиди нафантазировал себе более волнующие известия, так что услышанное разочаровало его.

– Есть какие-нибудь сведения об оружии?

– Ничего. Убийца унес оружие с собой.

Отсутствие орудия убийства осложняло дело, и все говорило за то, что впереди настоящая схватка. К счастью, Кассиди любил схватки – и чем жестче, тем лучше.

– Как скоро вы сможете установить подслушивающие устройства на телефонах? – спросил он детектива.

– Завтра с самого утра и поставим. Кому еще, кроме жены и сына?

– Утром обсудим. Держи меня в курсе событий.

Кассиди повесил трубку, откусил от сэндвича, запив тепловатым пивом, и вновь уставился в телевизор. Днем он звонил на студию кабельного телевидения, которая транслировала программы Джексона Уайлда, и запросил у них копии всех сохранившихся записей этих передач. Дирекция студии срочно доставила пленки в офис Кассиди. И вот он принес их домой, где мог просмотреть, не отвлекаясь.

Программы были подготовлены профессионально. Уайлд выпускал захватывающие шоу с белыми голубями, и оркестром, и хором из пятисот голосов, и золоченой кафедрой, и зеркальным роялем Джоша.

Сценарий передач никогда не менялся. Программа обычно открывалась громким звуком трубы, возвещающим о Втором пришествии. Вступал хор, выпускались белые голуби, и по витой лестнице спускался Уайлд, всем своим видом давая понять, что только что беседовал со Всемогущим, о чем и сообщал доверительно во вступительной речи.

На заднем плане под трепетные переливы труб появлялась Ариэль, неизменно одетая в белоснежное платье; из украшений – лишь золотое обручальное кольцо и пара незаметных жемчужных сережек. Уайлд подчеркивал, что единственным богатством, которое они скопили, были духовные ценности. Затем на экране крупным планом показывали Джошуа Уайлда, сопровождавшего пению Ариэль.

Ее голос усиливался звучанием оркестра, хором и звуковой системой, умопомрачительная стоимость которой могла бы в значительной мере восполнить прорехи в национальном бюджете. Ариэль мило улыбалась мужу, Джошу, публике и, конечно же, небесам. Неизменно к концу песни хоть одна слезинка, да скатывалась из ее небесно-голубых глаз.

Кассиди был скептиком по натуре и редко принимал все на веру. Великодушно прощая проповеднику проведение таких мероприятий, он тем не менее не мог понять, как могли интеллигентные люди подпадать под воздействие этих шоу. Проповеди Уайлда явно искажали Еван-

гелие. С гораздо большим пылом ратовал он за наказание, нежели за прощение, проповедовал ненависть вместо любви, обещал огонь ада, но не милость божию. Чаще говорил он о сатане, нежели о Христе. Вот почему священнослужители из наиболее организованных христианских общин презирали и осуждали Уайлда.

Кассиди было совершенно ясно, как Уайлду удавалось вбить свои фанатичные идеи в узкие лбы своих приверженцев. Все было просто: он говорил им в точности то, что они хотели услышать, – что правы они, а все, кто не согласен с их мнением, ошибаются. Ну и, конечно же, Господь был всегда на их стороне.

Просмотрев несколько раз пленки, сделав по ходу кое-какие записи, Кассиди выключил телевизор и направился в спальню. Проверив наличие чистых рубашек и трусов, он убедился в том, что визит в прачечную можно отложить еще на пару дней.

Когда он был женат, его гардеробом занималась Крис, впрочем, как и всеми другими домашними делами, покупками, стиркой. Развод их произошел не потому, что Крис была неряшлива или пренебрегала своими обязанностями по дому. Да и Кассиди, по общим меркам, считался вполне хорошим мужем. Он всегда помнил праздничные даты и дни рождения. И у него было какое-то шестое чувство, подсказывавшее ему, когда секс неуместен, и в такие дни он даже не заикался об этом.

Разрыв их четырехлетнего супружества был вызван скорее апатией, чем враждебностью. Под давлением внешних обстоятельств брак дал трещину, а их любовь друг к другу была недостаточна сильна, чтобы скрепить разваливающийся союз. Крис даже не хотела обсуждать проблему разезда, и только после того, как в карьере Кассиди наметились решающие перемены, он настоял на том, чтобы они разъехались.

Как только до него дошли слухи об открытии прокуратуры в Орлеанском округе, штат Луизиана, Кассиди в тот же день отправил заявление о приеме на работу и подал на развод. Последнее, что он слышал о Крис, это то, что она все еще живет в Луисвилле, очень удачно вышла замуж, счастлива и ждет второго ребенка. Кассиди искренне желал ей счастья. Безусловно, не ее вина была в том, что работа для него оказалась важнее, чем она, и, когда его карьера начала рушиться, он пытался переосмыслить свою жизнь, включая и их брак.

В некотором смысле Кассиди до сих пор был пленником своих прежних ошибок. Вот уже пять лет он тщетно старался убежать от них. Может, ему это никогда и не удастся. Во всяком случае, он вспоминал свою бывшую жену, лишь когда очень хотелось заняться сексом, а никого рядом не было или когда кончались чистые рубашки. Это было несправедливо по отношению к Крис. Она заслуживала лучшего отношения. Но тем не менее все было так, как было.

Он разделся и лег в постель, но мозг был слишком загружен, чтобы он мог уснуть. К тому же он с удивлением обнаружил, что член его находится в возбужденном состоянии. И это было вызвано вовсе не желанием женщины. Просто реакция на напряжение – моральное и физическое.

Не в силах сомкнуть глаз, он вновь и вновь перебирал в памяти подробности дела Уайлда, признавая, что их было чертовски мало. Единственное, в чем он был уверен, так это в том, что дело будет трудное, неимоверно трудное, и, может быть, займет в его жизни месяцы и даже годы.

Нисколько не смущаясь такой перспективой, Кассиди был готов ринуться в бой. Он уже просмотрел и подготовил к выпуску пресс-релиз по факту убийства. Теперь он официально объявлен руководителем расследования и обвинителем, в случае если дело дойдет до суда. Кассиди сам просил дать ему этот шанс, и ему пошли навстречу. Он должен доказать Краудеру, что доверие к нему не напрасно. Кассиди должен доказать это и себе самому.

3

Здание находилось на Норд-Петерс-стрит. Оно было последним в ряду обшарпанных кирпичных зданий складов, которые до сих пор противостояли веяниям прогресса, достигшим и этого старого промышленного района французской части города. Большинство зданий, включая ближайшую пивоварню «Джакс Бруэри», были переоборудованы в модные закусовые и торговые центры.

Эта модернизация обернулась вопиющим несоответствием духу города, нью-орлеанскому колориту. Старожилы, мечтавшие сохранить мистическую атмосферу старых кварталов, считали такую коммерциализацию отвратительной, разрушающей неповторимость этой части города. Те же, кто был сторонником модернизации, делали свое дело упорно и настойчиво, о чем наглядно свидетельствовал фасад здания, где располагалась контора «Французского шелка».

Древний кирпичный фасад был выкрашен в белый цвет, хотя часть здания, выходящая на соседнюю улицу, все еще несла печать тех времен. Соответственно стилю креольской архитектуры, все окна были снабжены блестящими черными ставнями, а на втором и третьем этажах установлены черные решетки, имитирующие балконные ограждения. Над входом в здание на двух черных цепях свисала скромная табличка с выгравированным на ней вязью названием фирмы.

Кассиди, однако, очень скоро обнаружил, что парадная дверь была лишь частью фасада, а настоящим входом в здание служила тяжелая металлическая дверь с другой его стороны, выходящей на Конти-стрит. Он нажал кнопку и услышал, как за дверью раздался громкий звонок. Через несколько секунд дверь открылась.

– Что вам угодно? – Женщина, стоявшая в дверях, телосложением напоминала портового грузчика. «РАЛЬФ» – голубыми буквами было выведено на красной эмблеме в форме сердца, вышитой на предплечье. Над верхней губой у нее поблескивали капельки пота, застывшие в пробивавшихся усиках. По внешнему виду женщины никак нельзя было сказать, что работает она на фабрике дамского белья. Кассиди всем сердцем «полюбил» Ральф.

– Меня зовут Кассиди. Вы Клэр Лоран?

Ральф издала звук, словно исходящий из горна.

– Это что, шутка?

– Нет. Я ищу Клэр Лоран. Она здесь?

Женщина подозрительно оглядела его с ног до головы.

– Минутку. – Пнув дверь ногой, она сняла трубку настенного интерфона и нажала на панели две цифры. – Пришел парень к мисс Лоран. Какой-то Кеннеди.

– Кассиди, – поправил он с вежливой улыбкой. Он, конечно, не Шварценеггер, но в обычной уличной драке мог вполне постоять за себя. Как бы то ни было, терять время на препирательства с этой красоткой совсем не хотелось.

В ожидании дальнейших инструкций по телефону она с любопытством разглядывала Кассиди. Прикрыв ладонью трубку, она сплюнула через плечо. Наконец, выслушав наставление, Ральф сказала:

– Мисс Лоран хочет знать, зачем вы пришли.

– Я из окружной прокуратуры. – Он вынул удостоверение и, развернув, показал его.

Это стоило ему еще одного безумного взгляда Ральф.

– Он из окружной прокуратуры, – сказала она в трубку. И, выслушав очередное наставление, обратилась к Кассиди: – Следуйте за мной. – Казалось, решение хозяйки принять гостя не вызвало у нее удовольствия. Резиновые подошвы ее туфель шлепали по бетонному полу с

таким треском, как будто давили тараканов. Ральф вела Кассиди мимо рядов замаркированных и готовых к отгрузке коробок с товарами.

Огромные вентиляторы, смонтированные на окнах, с шумом гнали теплый влажный воздух. Их лопасти дробили проникавший в окна солнечный свет, и его блики, кружившие по комнатам, создавали атмосферу ирреальности.

Кассиди почувствовал, как по телу заструился пот, и простил вахтерше ее вспотевшую верхнюю губу. Он снял пиджак, перекинул его через плечо и ослабил узел галстука. Проходя по складу, Кассиди отметил безукоризненную чистоту и удивительный порядок. Старательные работницы, которые, казалось, совсем не ощущали духоты, весело переговаривались между собой. Некоторые с любопытством взглянули на Кассиди, но никто не выказал недружелюбия, в отличие от его спутницы. Он предположил, что подозрительность входила в ее обязанности, которые явно состояли в том, чтобы отваживать хулиганов и нежелательных типов вроде него.

Когда они подошли к грузовому лифту, Ральф открыла тяжелые двойные двери:

– Второй этаж.

– Спасибо.

Двери сомкнулись, оставляя Кассиди одного в лифте, по размерам превосходящем его ванную комнату. По пути вверх Кассиди закатал рукава рубашки до локтей.

Выйдя из лифта, он оказался в коридоре, который тянулся во всю ширину здания. От него расходились коридорчики поменьше, где располагались офисы. Там вовсю кипела работа. Прямо перед Кассиди оказалась широкая двустворчатая дверь. Инстинктивно он чувствовал, что за ней найдет мисс Лоран.

На самом же деле за дверью оказался устланный коврами офис, обставленный изысканной мебелью, а за столом из стекла и черного лакированного дерева сидела приветливая секретарша.

– Мистер Кассиди? – вежливо спросила она.

– Совершенно верно. – Он не ожидал увидеть над обычным складским помещением такой шикарный офис. Зря он снял пиджак и ослабил галстук, мелькнуло в голове. Однако исправлять оплошность было поздно – секретарша уже подвела его к следующей двери:

– Мисс Лоран ждет вас. Входите.

Она открыла перед ним дверь и сделала шаг в сторону. Он вошел и столкнулся с новой серией неожиданностей. Воображение рисовало ему роскошный кабинет, который сочетался бы со столь изысканной приемной. Вместо этого Кассиди увидел рабочее пространство – в самом прямом смысле слова. Казалось, оно занимало площадь в несколько акров. Стеклопанельная стена открывала панорамный вид на Миссисипи. В помещении было несколько чертежных столов, укомплектованных полным набором приспособлений, три манекена, мольберты, швейная машинка, образцы тканей... и женщина.

Она сидела на высоком стуле, склонившись над чертежным столом с карандашом в руке. Когда за Кассиди захлопнулась дверь, женщина подняла голову и посмотрела на него сквозь огромные черепаховые очки.

– Мистер Кассиди?

– Мисс Лоран?

Сняв очки и положив их и карандаш на стол, она подошла, протягивая руку.

– Да, я Клэр Лоран.

Ее лицо, фигура, манеры были совсем не такими, как ожидал увидеть Кассиди. На мгновение, пока он учтиво пожимал ее кисть, в голове слегка зашумело. А как, по его мнению, должна была выглядеть Клэр Лоран? Как та вахтерша? Или как та куколка в приемной? Она была совсем другой. Казалось даже странным, что с той вахтершей они были одного пола. И даже несмотря на то, что на Клэр были свободные брюки цвета зрелых листьев табака и сво-

бодного покроя шелковая блузка, она была удивительно женственной. И в то же время не такая цветущая и привлекательная, как секретарша.

Высокая. Худая. Широкоплечая, как раз по моде. Груды небольшие, но четко различимые. Поддерживал их кружевной лифчик, который Кассиди разглядел сквозь тонкую ткань блузки. Глаза ее были цвета дорогого виски, и если бы у виски был голос, то он звучал бы, бесспорно, как ее, – мягко и пьяняще.

– Вы хотели видеть меня?

Он выпустил ее руку.

– Да.

– Могу я вам предложить что-нибудь выпить?

Она жестом пригласила его присесть – в углу стоял диван с мягкими подушками, низкий столик и два обитых материей кресла. В одном из них лежала корзинка то ли с вышивкой, то ли с вязаньем – догадаться было трудно. На столике несколько хрустальных графинов, в которых отражались лучи послеполуденного солнца, отбрасывая радужные блики на белые оштукатуренные стены и деревянный пол.

– Нет, спасибо. Ничего не надо.

– Можно, я повешу ваш пиджак? – спросила она, протянув руку.

Он почти уже отдал его, но вдруг передумал:

– Нет, не стоит. Он мне не мешает. Извините мой внешний вид, но внизу просто парилка.

Поскольку впечатление от Клэр было несколько иным, чем он ожидал, Кассиди потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Он всегда предпочитал владеть ситуацией и теперь хотел отыграться за легкое поражение, которое потерпел от Клэр.

В ее глазах мелькнул вызов, но она явно старалась не выдавать своих эмоций.

– Да, иногда там становится жарковато. Пожалуйста, садитесь.

Он сел в одно из кресел, положив пиджак на колено. Клэр опустилась на диван, прямо напротив Кассиди. Он заметил, что помада на ее губах почти съедена, как будто она имела привычку закусывать свою полную нижнюю губу. Волосы каштанового оттенка в лучах солнца горели огнем. Похоже, она теребила их руками и карандашом, поскольку кудри лежали в беспорядке.

Кассиди мгновенно сделал несколько выводов. Во-первых, Клэр была женщиной деловой. Ей, вероятно, чужды женские капризы и тщеславие. Она явно пыталась скрыть свою нервозность. Лишь пульсирующая на красивой нежной шее жилка выдавала ее.

Отвлечшись от шеи, Кассиди перевел свой взгляд на забавную безделушку, свисавшую с ее шеи на черном шелковом шнуре. Клэр проследила за его взглядом и сказала:

– Это подарок моей подруги Ямин.

– А что в нем? – В плоском флакончике явно была какая-то жидкость. – Любовный эликсир?

Глаза их на мгновение встретились. Кассиди вдруг подумал, что не следовало вчера ложиться спать в возбужденном состоянии. И еще хотелось, чтобы его сегодняшней визит сюда не носил официального характера.

Клэр сняла с флакончика крышку, поднесла его к губам и дунула. Десятки крошечных радужных пузырьков вырвались наружу, облепив ее лицо и закружив по комнате.

Кассиди рассмеялся – отчасти оттого, что пузырьки его удивили, но главным образом пытаясь снять накопившееся в нем напряжение.

– Занятая вещица, прекрасно отвлекает, когда работа становится чересчур утомительной, – объяснила Клэр. – Ямин часто дарит мне такие игрушки, она считает, что я слишком серьезно отношусь к себе. – Улыбнувшись, она закрыла флакончик.

– Неужели это правда?

Она, не смутившись, встретила его прямой взгляд.

– Правда что?

– Что вы слишком серьезно относитесь к себе. – По ее реакции он понял, что вышел за отведенные ему рамки. Клэр холодно улыбнулась. Все так же учтиво, но уже с оттенком нетерпения она спросила:

– Зачем вы пришли ко мне, мистер Кассиди? По поводу последнего чека, который я обжаловала в прокуратуре?

– Последнего чека? Нет, боюсь, что нет. Преподобный Джексон Уайлд, – внезапно выпалил Кассиди, словно бросая вызов. Клэр не приняла его, лишь продолжала смотреть на Кассиди пытливым взглядом. Он был вынужден объяснить: – Я полагаю, вы слышали об убийстве.

– Конечно. Разве вы не видели меня по телевизору?

Кассиди не ожидал такого поворота.

– Нет. Когда это было?

– В тот самый день, когда было обнаружено тело преподобного Уайлда. Позавчера, по моему, так ведь? Сюда приходили репортеры, ждали от меня заявления. Оно получилось, наверное, не столь драматичным, как им бы хотелось, потому что в вечерних новостях меня так и не показали.

– Вас это огорчило или, наоборот, успокоило?

– А вы как думаете? – Улыбка исчезла с ее лица.

Кассиди сделал заход с другой стороны:

– Что вам известно об убийстве?

– Что мне известно? – пожав плечами, повторила она его вопрос. – Только то, что смогла прочитать в газетах и увидеть по телевизору. А почему вас это интересует?

– Вы были знакомы с преподобным Уайлдом?

– Вы имеете в виду, встречались ли я с ним когда-нибудь? Нет.

– Никогда?

– Никогда.

– Но он вас знал. – Она молчала, хотя уже и не выглядела такой спокойной и собранной, как несколько минут назад. – Не правда ли, мисс Лоран? При чем знал вас достаточно хорошо, чтобы после его убийства именно ваше мнение о случившемся заинтересовало прессу.

Она провела по сухим губам розовым аппетитным язычком, что тут же вывело Кассиди из равновесия.

– Преподобный Уайлд знал меня по имени как владелицу «Французского шелка». Со своей кафедры он обвинял меня в том, что я занимаюсь распространением порнографии. «Грязная торговка» – так он называл меня.

– Ну и как вы на это реагировали?

– А вы как думаете? – Накопившееся в ней волнение внезапно прорвалось наружу, она резко поднялась с дивана и, обойдя его, встала за спинкой кресла, в котором сидел Кассиди.

– Бьюсь об заклад, что вам это было чертовски неприятно.

– Вы абсолютно правы, мистер Кассиди. Мне это было неприятно. Термин «грязный» не применим ни к моему бизнесу, ни к каталогу, который я выпускаю.

– А вы знали, что возглавляете список противников Уайлда?

– Что вы имеете в виду?

Кассиди достал из кармана пиджака листок бумаги. Развернув, он протянул его Клэр, которая, однако, не сделала ни малейшего движения, чтобы взять его в руки.

– Среди личных вещей Уайлда, – сказал Кассиди, – мы обнаружили этот сделанный от руки список изданий. «Плейбой», «Хастлер», ну и все остальные журналы с девочками. Там же значится и каталог «Французский шелк».

В то утро, когда они с Говардом Гленном обсуждали те немногочисленные факты, которыми располагали по делу, Гленн почти не проявил интереса к этому списку. Детектив строил

свою версию на Ариэль и Джошуа Уайлд. По его убеждению, они больше всех подходили на роль подозреваемых.

Вполне возможно, что он был прав, но Кассиди не хотел упускать ни одной ниточки, ни одной версии. На его идею проверить «Французский шелк» Гленн лишь безразлично пожал плечами, считая, что Кассиди явно теряет время.

Встретившись с Клэр Лоран, Кассиди, однако, так уже не думал. И, хотя с нее трудно было бы писать психологический портрет убийцы, она, безусловно, чертовски заинтриговала Кассиди, да к тому же у нее был весьма серьезный повод расквитаться с занудным проповедником.

Клэр какое-то мгновение изучала протянутый ей листок, потом сердито отмахнулась от него.

– Я ничего не знаю об этом списке. Мой каталог не имеет ничего общего с этими журналами.

– Уайлд, очевидно, думал иначе.

– Он ошибался.

– Мисс Лоран, ваша компания была выбрана мишенью для клеветы и оскорблений, чтобы в конечном счете вынудить вас уйти. Судя по дате составления этого списка, Уайлд за несколько дней до своей смерти дал священную клятву и скрепил ее своей кровью.

– Он явно был сумасшедшим.

– Но у него есть тысячи преданных сторонников.

– За Адольфом Гитлером тоже шли толпы. Некоторым людям непременно нужно указывать, во что им верить, потому что сами они думать за себя не могут. И если им достаточно часто говорить то, что они хотят услышать, они пойдут за кем угодно и примут любую ложь, которую им будут вдалбливать. У них же просто стерильные мозги. Мне их жаль, но каждый волен сделать свой выбор. Я же хочу лишь одного – чтобы меня оставили в покое, чтобы я могла заниматься тем, чем я хочу. Это единственное, из-за чего мы враждовали с Джексонном Уайлдом. Он ведь стремился всех обратить в свою веру. Если уж ему так не нравился мой каталог, что ж, это его дело. Но кто дал ему право осуждать и порочить его?

– Он считал, что Господь Бог дал ему право.

– Но это ведь лишь со слов Уайлда, не так ли?

Клэр была напряжена, словно гитарная струна, которая вот-вот лопнет. Грудь ее вздымалась, волнуя жидкость во флакончике, свисавшем с шеи. В этот момент Клэр открылась Кассиди с совсем иной стороны – он вдруг понял, что под маской хладнокровия и безразличия скрывается страстная натура.

Он поймал себя на том, что уже давно стоит, хотя и не помнил, чтобы поднимался с кресла.

– Как я понимаю, у вас все-таки были серьезные проблемы с этим телепроповедником, который представлял реальную угрозу вашему бизнесу. Я прав, мисс Лоран?

– Это у него были проблемы, но не у меня.

– Он объявил вас своим врагом и поклялся бороться до полной победы.

– Ну, это он вел войну. Я в ней не участвовала.

– Вы уверены в этом?

– Что вы хотите сказать?

– Разве с вашей стороны не было подобных заявлений?

– Нет. Я его попросту игнорировала.

– Где вы были в ночь на восьмое сентября?

Она резко вскинула голову:

– Простите?

– Мне кажется, вы хорошо расслышали мой вопрос.

– В ночь на восьмое сентября был убит Уайлд. Должна ли я так понимать, что вы подозреваете меня?

– Ну, в общем, да.

– Можете отправляться к черту. – Ее резкие слова еще больше накалили обстановку, но в этот момент двери за спиной Кассиди распахнулись. Он обернулся, почти уверенный в том, что сейчас ворвется это чучело с нижнего этажа, чтобы силой выдворить его из помещения.

Женщина, которая вошла в комнату, была изящна и легка, словно крылья бабочки.

– О, боже мой! – воскликнула она, увидев Кассиди. Приложив руки к груди, она сказала: – Я и не знала, что у нас гость. Клэр, дорогая, ты должна была сказать мне, что сегодня днем предстоит прием. Я бы переделалась во что-нибудь более подходящее.

Стараясь сдерживаться, Клэр подошла к женщине и взяла ее за руку.

– Ты выглядишь как всегда прекрасно, мама. Подойди, познакомься с нашим гостем.

Наблюдая, как они приближаются, Кассиди отчаянно пытался собраться с мыслями и оценить обстановку. Он еще внизу, при встрече с вахтершей, потерял контроль над ситуацией и так и не смог его обрести в полной мере. А теперь, с появлением этой женщины, ускользало и то небольшое преимущество, которое он смог отвоевать в беседе с Клэр.

– Мама, это мистер Кассиди. Он... он здесь по делу. Мистер Кассиди, это моя мама, Мэри Кэтрин Лоран.

– Миссис Лоран, – приветствовал он ее. Она робко протянула руку. У Кассиди возникла безумная идея согнуться и поцеловать ей руку, поскольку именно этого она, казалось, и ожидала. Но он только слегка сжал ее пальцы и отпустил их.

Мягкие коричневые волосы Мэри Кэтрин были зачесаны назад и открывали ее нежное, моложавое лицо. Глядя на собеседника, она слегка склоняла голову набок.

– Вы копия вашего отца, мистер Кассиди. Я помню, как он, в мундире, танцевал котильон. Боже, мы, девчонки, просто обмирали.

Она прикрыла ладонями щеки, словно пытаясь скрыть проступивший румянец.

– Он знал, что хорош собой, и бессовестно разбивал наши сердца. Он был просто озорник, пока не встретил вашу маму в то лето, когда она приехала погостить из Билокси. Когда он увидел ее – в легком платье абрикосового цвета, с белой камелией в волосах, – то был сражен в тот же миг. Они были такой очаровательной парой, а когда кружили в танце, даже пыль под их ногами казалась какой-то волшебной.

Обескураженный, Кассиди взглядом обратился за помощью к Клэр. Она улыбалась, как будто все, что говорила ее мать, было исполнено смысла.

– Садись, мама. Хочешь немного хереса?

Мэри Кэтрин села в кресло, чинно одернула юбку, натянув ее на колени. Кассиди уловил исходивший от нее тонкий аромат духов.

– Поскольку время уже близится к пяти, думаю, я могу позволить себе выпить хереса. Мистер Кассиди, вы составите мне компанию? Леди не пристало пить в одиночку.

Херес? Он никогда не пробовал такую дрянь, да и не собирался. От чего бы он сейчас не отказался, так это от солидной дозы «Чивас Ригал». Но вопросительная улыбка Мэри Кэтрин обезоруживала, и даже такой умудренный опытом обвинитель, как Кассиди, устоять против нее не мог. Не дай бог, если она окажется на свидетельской трибуне во время судебного процесса. Одна ее улыбка – и судья будет убежден, что луна и в самом деле сделана из филадельфийского плавленого сыра, если бы это утверждала Мэри Кэтрин.

– Не откажусь, – донесся до Кассиди его собственный голос. Он улыбнулся Клэр, она не ответила тем же. Выражение ее лица было холодным и совсем не сочеталось с теплым цветом кожи.

– Расскажите мне все о Военно-морской академии, мистер Кассиди, – попросила Мэри Кэтрин. – Я была так горда за ваших родителей, когда вы получили назначение.

Благодаря стипендии баскетбольной сборной Кассиди смог посещать колледж в своем родном городке в штате Кентукки, а потом год работал, чтобы накопить денег для учебы в университете. И уж, конечно, никогда он не помышлял о военной академии. Впрочем, добровольная служба в армии помогла ему заработать деньги на учебу в юридической школе после демобилизации.

– Это был предел моих мечтаний, – ответил он на просьбу Мэри Кэтрин, принимая из ее рук стакан с хересом, который она налила ему из искрящегося хрустального графина – из тех, что стояли на столике.

– Клэр, ты не выпьешь с нами? – Мэри Кэтрин протянула дочери стакан.

– Нет, спасибо, мама. Мне еще надо работать.

Мэри Кэтрин печально покачала головой и обратилась к Кассиди:

– Она все время работает. По-моему, слишком много для молодой женщины. Но она очень талантлива.

– Я заметил. – Кассиди уже обратил внимание, с каким вкусом были выполнены эскизы, развешанные по стенам.

– Я пыталась научить ее вышивать и вязать крючком, – продолжала Мэри Кэтрин, указывая на корзинку, теперь стоявшую у ее ног, – но единственное, что увлекало Клэр Луиз, было моделирование одежды. Она начинала на бумажных куклах. Когда заканчивались комплекты одежды из альбомов, она рисовала, раскрашивала и вырезала свои.

Женщина игриво улыбнулась дочери.

– Ее модели были намного красивее, чем в книжках. От бумажных кукол она перешла к шитью. В каком году ты попросила подарить тебе на Рождество швейную машинку?

– По-моему, мне было лет двенадцать, – сдержанно ответила Клэр. Кассиди чувствовал, что ей неприятно обсуждать в его присутствии такие подробности.

– Двенадцать! – воскликнула Мэри Кэтрин. – И с того самого дня, как ей подарили машинку, она все свободное время шила, и не только по готовым выкройкам, но и по своим. Она всегда так ловко управлялась с иглой и тканью. – Щеки ее вспыхнули, и она скромно потупила голову. – Конечно, я не одобряю кое-что из тех моделей, что сейчас придумывает Клэр. Они мне кажутся несколько неприличными. Но я, наверное, старомодна. Молодые женщины сегодня уже не такие скромницы, как дамы моего поколения. – Она отхлебнула хереса и с интересом взглянула на Кассиди: – Скажите, а ваш дядя Клайв когда-нибудь добывал нефть на Аляске? Какой все-таки это тяжелый и рискованный бизнес – нефть.

Прежде чем он смог ответить на вопрос о несуществующем дяде Клайве, дверь за его спиной опять распахнулась. На этот раз шумно, как будто порывом ветра. Кассиди был так поражен внешностью вошедшей женщины, что непроизвольно вскочил с кресла, расплескав почти весь херес.

– Слава богу! – воскликнула женщина, увидев Мэри Кэтрин. – Я боялась, что она опять ускользнула из дома.

Новая гостья была не ниже шести футов¹ ростом, длинноногая и грациозная, как газель. Ее восхитительное тело было упаковано в короткое белое махровое кимоно, едва прикрывавшее бедра. На голове высился тюрбан, скрученный из полотенца. Даже без макияжа лицо ее завораживало – огромные глаза цвета агата, маленький прямой нос, полные губы, красиво очерченные челюсть и подбородок, выдающиеся скулы. Походка ее была величава, что свойственно африканским женщинам.

– Извини, Клэр. Я разрешила Гарри уйти пораньше и решила принять душ. Когда я вышла, Мэри Кэтрин исчезла. Прислуга уже разошлась по домам. Господи, я думала, сойду с ума.

¹ 1 фут – 30,48 см. (Здесь и далее прим. пер.)

– Все в порядке, Ясмин.

– Кто это? – Девушка взглянула на Кассиди с искренним любопытством.

Клэр представила их друг другу. Кассиди пожал девушке руку, такую же длинную, как у него, но гораздо более изящную. Даже на близком расстоянии ее кожа казалась безупречной, без пор и цвета кофе, сильно разбавленного молоком. На коже поблескивали капельки воды – видно, девушка не успела толком вытереться. Кимоно на ней было, несомненно, единственным предметом одежды, но это ее совершенно не смущало, и, сверкая ослепительно-белыми зубами, она улыбалась Кассиди:

– Рада познакомиться с вами.

– Я тоже. Всегда восхищался вашей работой.

– Спасибо. – Она вопросительно взглянула на Клэр, потом вновь на Кассиди. – Мне позволено будет узнать, кто вы и зачем вы здесь?

– Нет.

Последовала неловкая пауза. В конце концов ее прервала Клэр:

– Ясмин, будь так добра, уведи маму наверх. Она может захватить херес с собой. Я поднимусь к ужину, как только закончу дела с мистером Кассиди.

Ясмин недоуменно взглянула на подругу, но выражение лица Клэр оставалось бесстрастным.

– Пойдем, Мэри Кэтрин, – сказала она. – У Клэр есть дела.

Мэри Кэтрин не стала возражать. Она встала и вновь протянула руку Кассиди. На этот раз он решил послать к черту скромность и поднес ее руку к губам. Она жеманно улыбнулась и попросила передать наилучшие пожелания его семье. Затем, под руку с изумленной Ясмин, выплыла из комнаты, унося с собой благоухающий аромат роз и хереса.

Как только за ними закрылась дверь, Кассиди повернулся к Клэр:

– Прошу прощения. Может быть, это прозвучит жестоко, но мой отец страдал неизлечимой болезнью в течение нескольких лет, вплоть до самой смерти...

– У моей матери иной случай, мистер Кассиди. Она часто путает настоящее с прошлым. Иногда она принимает человека за кого-то другого, знакомого ей прежде.

– Прежде?

– Да, до того, как она стала такой, – сухо сказала Клэр. – Она ведь, как сказали бы некоторые, помешанная, чокнутая, сумасшедшая, недоумок. Думаю, вам хорошо известны все эти жестокие слова. Я-то их слышала. Много раз. Знаете, она ведь была такой всю мою жизнь. Однако, хотя я и ценю такт, с которым вы отнеслись к ней, обсуждать с вами ее душевную болезнь не собираюсь. Как, впрочем, не собираюсь обсуждать и все остальное.

Она встала, давая понять, что их беседа окончена.

– Я не была знакома с Джексоном Уайлдом, мистер Кассиди. Если вы пришли сюда за тем, чтобы узнать это, теперь ваше любопытство удовлетворено. Я провожу вас к выходу.

Когда она проходила мимо него, он схватил ее за руку и притянул к себе.

– Вы так и не поняли ничего, да? Или только делаете вид?

– Отпустите мою руку.

Ткань ее рукава была такой тонкой и мягкой, что его пальцы словно утонули в ней, ощутив шелковистую кожу руки. Медленно, с огромным сожалением, он ослабил пальцы и выпустил ее.

– И что же я должна понять, мистер Кассиди?

– Что я пришел сюда не для того, чтобы мило поболтать и выпить хереса.

– Разве нет?

– Нет. Я пришел задать ряд формальных вопросов в связи с убийством Джексона Уайлда. Она вдруг порывисто вздохнула и непроизвольно вздрогнула.

– Но это же нелепо.

– Не совсем, если проанализировать ситуацию, особенно учитывая то, что вы теряли в случае успеха замыслов проповедника.

– Этого никогда бы не произошло.

– А если предположить, что вы хотели быть абсолютно уверенной в том, что этого не произойдет и что вам никто больше не будет угрожать?

Клэр провела рукой по волосам, словно пытаясь успокоиться. Когда она вновь взглянула на Кассиди, лицо ее было безмятежным, как у фарфоровой куклы.

– Мистер Кассиди, как я уже говорила вам, я никогда не встречалась с преподобным Уайлдом. Я никогда напрямую не связывалась с ним. И никогда мы не общались по телефону, хотя мне и звонили из его миссии, вызывая от его имени на публичные дебаты, от которых я каждый раз отказывалась. У меня с ним не было ничего общего. И уж, конечно же, я его не убивала.

– Но он создавал опасность для вашего бизнеса.

– Он заблуждался в своих идеях, как и все фанатики! – воскликнула она. От ее спокойствия не осталось и следа. – Неужели вы и впрямь думаете, что он мог пошатнуть империю «Плейбоя»?

– Но вы ведь мишень гораздо более доступная, чем «Плейбой».

– Допустим. И что из того?

– Кроме того, ваш офис находится здесь, в Нью-Орлеане. Может, как раз когда он приехал со своими проповедями сюда, вы и воспользовались случаем, чтобы навсегда заткнуть ему рот.

Она с самодовольной улыбкой сложила на животе руки.

– Но это уж было бы шито белыми нитками, вы не находите? Вы, конечно, можете подозревать меня в убийстве, мистер Кассиди, но, пожалуйста, не надо недооценивать мои умственные способности.

– Ни в коем случае, – тихо сказал он, заглядывая в глубины ее янтарных глаз. – В этом можете не сомневаться.

Его взгляд длился, пожалуй, несколько дольше, чем полагалось бы, и выражение упрека в нем сменилось интересом. Кассиди почувствовал себя очень неудобно. Паузу первой нарушила Клэр:

– Очевидно, у вас нет никаких улик против меня.

– Откуда вы знаете?

– Потому что их попросту не существует. Меня там не было. – Она вздернула подбородок. – Вы пришли сюда потому, что хватаетесь за каждую соломинку, стараясь скорее раскрутить это дело, ведь ни ваша контора, ни полиция еще никого не арестовали, а со времени убийства прошло уже более трех суток. Вдова обвиняет местные власти в неповоротливости, некомпетентности, безразличии. Вам достается и от прессы, да и сторонники Уайлда требуют скорейшего правосудия. Короче говоря, мистер Кассиди, вам нужен козел отпущения. – Она перевела дух. – Я вам сочувствую, но не до такой степени, чтобы допускать оскорбления и терпеть неудобства. Пожалуйста, уходите.

Ее эффектная и пламенная речь произвела впечатление на Кассиди. В сущности, Клэр была права – Кассиди уже начинал нервничать по поводу напряженной ситуации, складывающейся в связи с убийством Уайлда. Заголовки в прессе становились все более ироничными и даже саркастическими.

Ариэль Уайлд и свита проповедника все более громогласно критиковали всех невзирая на лица – от почтенного мэра города до самого низшего чина в полицейском участке. Вдова хотела увезти тело Уайлда в штат Теннесси для погребения, но полиция возражала против этого, надеясь найти какую-нибудь новую улику, пропущенную ранее, хотя вскрытие, проведенное экспертом Элви Дюпюи, было очень тщательным. В общем, обстановка, как и предсказывал Краудер, становилась все более удручающей.

Клэр Лоран была абсолютно права в своих оценках ситуации. Самым неприятным было то, что Кассиди и в самом деле не располагал фактами, которые могли бы привязать Клэр к убийству. И в то же время, едва переступив порог ее мастерской, он почувствовал, что она каким-то образом связана с этим делом. Она была чрезмерно вежлива, но интуиция подсказывала Кассиди, что его присутствие ей крайне неприятно.

В бытность свою адвокатом Кассиди благодаря интуиции безошибочно угадывал, когда клиент виновен, какие бы заверения в своей невинности он ни давал. Это было какое-то шестое чувство, и оно не подводило и в тех случаях, когда свидетель нес на суде заведомую ложь. И обычно, еще до того, как зачитывали окончательный вердикт, внутренняя дрожь уже подсказывала Кассиди, победой он обернется для него или проигрышем. Интуиция подводила редко. Кассиди доверял ей и полагался на нее совершенно.

Он знал, что Клэр Лоран – натура более глубокая, чем могло показаться с первого взгляда. Возможно, глаза были своеобразным окном в ее душу, но ставни всегда были закрыты. Лишь иногда удавалось заглянуть в загадочные глубины этих глаз и души. Клэр была не просто умной деловой женщиной, преданной дочерью, копна ее волнующих волос и чувственные губы не просто смущали, но и заставляли Кассиди сожалеть о том, что некоторые законы нельзя обойти. Но было в Клэр что-то, что она тщательно скрывала от окружающего мира. Почему?

Кассиди был исполнен решимости докопаться до разгадки.

– Прежде чем я уйду...

– Да, мистер Кассиди?

– Я хотел бы попросить у вас экземпляр вашего каталога.

4

Клэр была удивлена просьбой.

– Зачем он вам?

– Я пытался купить его в киосках, но так и не смог найти.

– Каталог не продается в розницу. Он рассылается только подписчикам.

– Что же в нем такого, что так разгневало преподобного Уайлда?

– Вам бы следовало спросить у него самого.

– Ну, поскольку преподобный уже не сможет это прокомментировать, – сухо сказал Кассиди, – я бы хотел посмотреть сам.

Клэр думала, что раз уж пресса оставила ее в покое, все тревоги, связанные с убийством, позади. Она никак не ожидала увидеть у себя помощника окружного прокурора, хотя до сих пор считала, что справляется с ситуацией очень хорошо. Но сейчас она отчаянно хотела, чтобы этот человек ушел, дав ей возможность собраться с мыслями. В то же время она не хотела казаться агрессивной или, более того, вызвать подозрение, будто что-то скрывает. В конце концов, он ведь попросил лишь показать каталог. И пока его вопросы не выходят за рамки официальных, вполне можно пойти ему навстречу.

– Конечно, мистер Кассиди. Присаживайтесь. – Клэр протянула ему последний выпуск ежеквартального каталога «Французский шелк». Стараясь скрыть волнение, она уставилась в окно. Небо было пронизано золотыми лучами заходящего солнца. Река казалась окрашенной в цвет расплавленной латуни.

– Официально сейчас время коктейля. Теперь-то вы не откажетесь выпить?

– Это обязательно должен быть херес?

– Вино или что-то покрепче?

– Виски, если есть.

– Со льдом, с водой или содовой?

– Со льдом.

Клэр приготовила виски, а себе налила стакан розового вина. Когда она подошла к дивану, Кассиди все еще листал каталог. Внезапно он отложил его, заморгал, дернул головой, как будто его ущипнули за подбородок, и изумленно воскликнул: «Ого!»

Посмотрев на раскрытую страницу, Клэр пояснила:

– Мы стараемся удовлетворить все женские фантазии.

Не отрывая взгляда от глянцевого страниц журнала, Кассиди насмешливо заметил:

– Черт возьми, я не женщина, но к фантазиям уже близок. Простите мне мою наблюдательность, но смею обратить внимание, что эта модель практически голая.

– Она одета.

– В...

– Она в плюше.

– Но здесь уже абсолютно нет места воображению.

– Это реклама нашего ассортимента, мистер Кассиди. Мы продаем белье и аксессуары. И хотим, чтобы наши клиентки чувствовали себя в нашем белье очаровательными, изнеженными и желанными.

– Хм, я не Джексон Уайлд. Вам не стоит отстаивать передо мной свою продукцию или стратегию маркетинга. Кстати, как я могу подписаться на каталог?

Когда он с ухмылкой взглянул на нее, Клэр охватило странное чувство. С ней нечасто флиртовали, поскольку в основном все знакомые мужчины были лишь деловыми партнерами. Иногда, правда, случались мимолетные знакомства в самолетах или лифтах, но они не выходили за рамки непринужденных бесед или обмена взглядами. На большее у Клэр не хватало

смелости. Так что реакция на игривую ухмылку Кассиди была неожиданной и волнующей. Клэр сделала глоток вина, пытаясь совладать с эмоциями.

– Фактически каталог – это творение Ясмин, – объяснила Клэр. – Не распространение, конечно. Для этого у нас есть служба телемаркетинга. Ясмин занимается, можно сказать, производством журнала. Начиная с концепции и заканчивая выкройками.

– И позированием.

Кассиди повернул журнал к Клэр. На раскрытой странице рекламировались шелковые пижамы – фотомоделью выступала Ясмин, нежившаяся в разобранных постелях. Расстегнутые пижамные рубашки слегка обнажали ее груди и пупок. Все смотрелось вполне прилично. Но влажные, слегка раскрытые губы и жадный, призывный взгляд делали снимок весьма провокационным.

– Это реклама, – сказала Клэр.

Кассиди несколько секунд изучал фото.

– Я вижу.

– Ясмин отлично работает. Она начинала как фотомоделю, зарабатывая на учебу в художественной школе, – объясняла Клэр. – И даже когда ее карьера фотомодели пошла успешно, она не бросила учебу. Когда мы стали сотрудничать...

– Когда и как это произошло?

– Шесть лет назад. У меня был скромный местный бизнес, я занималась моделями специфического белья, главным образом это были заказы для приданого. Но я хотела расширить дело, и тогда, взяв свои эскизы, я отправилась в Нью-Йорк в надежде найти кого-то, кто смог бы наладить производство и сбыт моих моделей. Мне не повезло, – печально сказала Клэр, вспоминая вежливые, но твердые отказы, которыми ее встречали на Седьмой авеню. – Совершенно случайно в одном из демонстрационных залов я встретила Ясмин. Мы разговорились, и она спросила, что привело меня в Нью-Йорк. Я была крайне удивлена и смущена, когда она похвалила мои образцы. Она даже заказала кое-что для себя. Мы попали в точку. Ясмин великолепна, это несомненно. Но она к тому же проницательная деловая женщина, осознающая, что век фотомодели короток. И, что очень важно, она поняла мои замыслы.

– И в чем же они состоят?

– В том, чтобы создавать и производить уникальные модели нижнего белья и продавать их по цене, доступной для средней женщины. Каждый сезон мы разрабатываем новые модели и ткани, которые, надеемся, вызовут покупательский интерес. Мы предлагаем изделия оригинальные и пробуждающие воображение, но в то же время вполне приемлемые по цене. Женщины могут покупать белье и в других магазинах. Но «Французский шелк» предлагает модели изысканные. Сексуальные и в то же время пристойные. Мы превратили производство нижнего белья в уважаемый бизнес.

– Джексон Уайлд не находил его уважаемым.

– А я не нахожу уважаемым его самого.

Легким кивком головы Кассиди дал понять, что уловил ее мысль.

– Но вернемся к Ясмин. Когда вы сделали ее своим компаньоном?

– Через неделю после нашей первой встречи.

– Так скоро?

– Я знала, что не ошибусь в ней. Ясмин как раз искала новое дело, где она могла бы применить свой артистический дар. Мне же нужны были ее профессиональные знания. Получив свою долю в бизнесе, Ясмин ввела меня в деловые круги, представила людям, которые могли бы нас на первых порах финансировать. После выхода первого номера каталога мы едва успевали выполнять заказы. Уже на третий год мы смогли расплатиться со всеми нашими инвесторами. И бизнес наш до сих пор процветает.

– Прямо-таки история одного успеха.

– Спасибо.

Кассиди перевернул страницу.

– Хм. А вы и мужчин привлекаете в качестве моделей.

– Это наше последнее новшество. Идея принадлежит Ясмин. Мне она понравилась, и я придумала кое-какие модели для мужчин.

– Готов поспорить, что у Уайлда были особые возражения по этому поводу. – На фотографии в журнале женщина склонилась над красивым молодым человеком, утопавшим в широком кожаном кресле. Женщина опиралась руками на подлокотник. Ее атласный халат был распахнут. – Я думаю, сомнений в том, где находится левая рука парня, не остается?

– Вы находите это эротичным, мистер Кассиди?

– Черт возьми, еще бы, – внезапно осевшим голосом сказал он. – А вы так не считаете? – Он посмотрел на нее, и Клэр испытала такое ощущение, будто кто-то нежно и игриво покусывает ее живот.

Она опустила взгляд на снимок в журнале.

– Меня возбуждают совсем другие вещи. Цена халата, который на женщине, сто двадцать пять долларов. Это один из самых дорогих товаров в этом номере. Производство Гонконга. За счет этого мы экономим на себестоимости. Даже если учесть расходы на изготовление, упаковку и доставку товара потребителю, все равно наша прибыль остается очень высокой. Я надеюсь, что любая женщина, глядя на эту фотографию, соблазнится и сделает заказ.

– В надежде завлечь такого парня с сапфировыми глазами и мощной мускулатурой.

Клэр рассмеялась.

– Мистер Кассиди, вы рассуждаете, как рассерженный моралист.

Ее смех еще больше омрачил его настроение.

– Неужели? Мне бы не хотелось казаться таким.

– Но вы бы предпочли, чтобы молодого человека на картинке не было?

– Пусть занимается другим, более мужским делом.

– Теперь вы понимаете, как чувствует себя женщина, когда ее возлюбленный смотрит совсем в другую сторону. Мы пытаемся пробудить в каждой женщине желание выглядеть так же привлекательно, как и эта модель, заставить ее поверить в то, что и она может быть красивой и желанной. «Носи это и будь любима» – вот что мы хотим донести до сознания наших подписчиц.

Внимательно выслушав Клэр, Кассиди вновь углубился в каталог. Клэр притихла, наблюдая за ним. Взгляд его скользил по страницам журнала. Иногда Кассиди подносил к губам стакан с виски. Рот у него был широкий, мужественный, лишь полная нижняя губа и ямочка на левой щеке придавали лицу мягкость.

Объективно он был очень хорош собой. Пробивающаяся в висках седина добавляла ему привлекательности. Каштановые волосы забавно топорщились над ушами. Немногие мужчины превосходили ростом Ясмин, но, когда Кассиди встал, чтобы поздороваться с ней, Клэр отметила, что он на два-три дюйма² выше. Он был хорошо сложен, рука его, лежавшая на колене, выглядела мощной, и в ней чувствовалась огромная сила.

Просмотрев весь каталог страницу за страницей, Кассиди закрыл журнал.

– Спасибо.

– Пожалуйста. Так вы считаете, Джексон Уайлд был справедлив в своих высказываниях? Это и вправду непристойно?

– Конечно же, нет, черт возьми, даже и говорить нечего. Чувственно, эротично – да, но едва ли это можно назвать порнографией. Но официально я все-таки должен быть беспристрастным.

² 1 дюйм – 2,5 см.

Клэр обрадовалась, убедившись, что Кассиди не собирается осуждать ее. Она поставила стакан с вином на стол и поднялась.

– Возьмите этот экземпляр с собой. Может, захотите заказать что-нибудь.

Взяв каталог, Кассиди тоже встал.

– Сомневаюсь. Я типичный клиент «Фрут оф зе Лум» – поклонник белого хлопка и строгости в одежде.

– Может быть, вам понравятся шелковые шорты для отдыха?

– Может быть. У вас есть оружие?

Вопрос ошеломил ее, тем более что задан он был сразу же после столь непринужденной беседы.

– Нет, мистер Кассиди.

– А у вас есть разрешение на владение оружием?

– Нет.

– Возвращаюсь к моему первоначальному вопросу: где вы были в ночь убийства Джексона Уайлда?

Она подавила в себе желание сдерзнуть и спокойно ответила:

– Не помню, чтобы я выходила. По-моему, я провела спокойный вечер дома.

– Кто-нибудь может подтвердить это?

– А что, нужно подтверждение? Вы думаете, я лгу?

Она твердо выдержала его взгляд, хотя он и длился, казалось, бесконечно и она готова была провалиться сквозь землю. Наконец Кассиди прервал паузу:

– Спасибо за угощение.

Он взял свой пиджак и, зацепив его за ворот указательным пальцем, перебросил через плечо.

– Не стоит благодарности.

Взгляд его скользнул по стеклянной стене. За окнами сгущались сумерки. С этой стороны здания открывался прекрасный вид на реку. Мерцали огни на набережной и мосту через реку, переливаясь от темно-пурпурного оттенка до искрящегося золотистого.

– Потрясающий вид.

– Спасибо.

Клэр в свое время, стремясь сохранить этот вид, купила участок земли, простиравшийся от ее дома до набережной, который превратила в место для стоянки автомобилей. Это было делом прибыльным, а кроме того, служило гарантией того, что перед ее окнами не вырастет вдруг какой-нибудь высотный отель или торговый центр. Со времени покупки стоимость этого участка земли выросла уже в тысячи раз, но Клэр не собиралась с ним расставаться ни за какие деньги.

– Я провожу вас к выходу.

Клэр прошла вперед, к двери, минуя сверкающий стол секретарши в приемной, и подошла к лифту. Когда они спускались, Кассиди поинтересовался:

– А что на третьем этаже?

– Моя квартира.

– Немногие сейчас придерживаются столь странной традиции – жить и работать в том же доме.

– В старом квартале многие так делают.

– Вы говорите как истинный старожил.

– Я родилась здесь и не жила нигде больше. Я даже ходила в местный колледж, каждый день мотаясь на трамвае в Тулейн.

– Счастливое детство?

– Очень счастливое.

– Никаких потрясений?

– Ни одного.

– И даже связанных с вашей матерью?

Клэр поморщилась:

– Поскольку я никогда не знала ее другой, я привыкла к ее болезни, как и любой ребенок умственно неполноценного родителя.

– А что с вашим отцом?

– Он умер, когда я была совсем маленькой. Мама больше никогда не выходила замуж. Мы жили с тетей Лорель. Вскоре после того, как она умерла, мы переехали сюда.

– Хм. Ваша мать до сих пор живет с вами?

– Совершенно верно.

– И больше никого здесь не бывает?

– Ясмин, когда она в городе.

– А кто такой Гарри?

– Мисс Гарриетт Йорк, наша экономка и няня матери. Она никогда здесь не ночует, только если я уезжаю из города.

– И как часто это бывает?

– Два раза в год я езжу в Европу и на Восток за тканями. Мне также приходится несколько раз в году бывать в Нью-Йорке.

– А как часто Ясмин приезжает в Нью-Орлеан?

– Это зависит...

– От чего?

– От многих обстоятельств.

– Например?

– Ну, скажем, надо обсудить планы на новый каталог.

Незачем ему было знать, что в последнее время наезды Ясмин в Нью-Орлеан участились и почему. Давать ему лишнюю информацию Клэр вовсе не собиралась. Еще ребенком она привыкла не доверять представителям властей. Они могли обернуть любую информацию против тебя, лишь бы соблюсти свои бюрократические интересы. А для Клэр этот Кассиди, какие бы мужественные руки и ямочка на щеке у него ни были, все равно оставался бюрократом.

– Еще что-нибудь, мистер Кассиди?

– Да, у меня еще масса вопросов. А чем занимается Ясмин в Нью-Орлеане сейчас?

Клэр возмущенно вздохнула:

– Мы обсуждаем новый каталог. Она разработала концепцию и уже подобрала места для съемок. Вместе мы решаем, какие модели выставить и каких пригласить манекенщиц.

– А все остальное время? Я имею в виду, когда она не в Нью-Орлеане?

– Она живет в Нью-Йорке.

– Работает фотомodelью?

– До прошлого года у нее был эксклюзивный контракт с одной косметической фирмой. Потом ей это надоело, так что теперь она позирует лишь для каталога «Французский шелк». Она все время очень занята – на ней много обязанностей здесь, да и к тому же она постоянно следит за состоянием вложенных ею капиталов.

Клэр с облегчением вздохнула, когда они достигли первого этажа. Спуск в лифте еще никогда не казался ей таким долгим, а сам лифт таким тесным. От пронзительного взгляда Кассиди ей хотелось спрятаться, закутавшись в какую-нибудь толстую мантию.

Когда лифт остановился, Кассиди распахнул тяжелые двери. Клэр пробормотала поспешное «спасибо» и шагнула в лабиринт склада. Было тихо и темно. Вентиляторы на окнах замерли. Накопив за день тепло, склад теперь напоминал котельную: раскаленный воздух обволакивал кожу, впитывался в поры, проникал в легкие.

Горели лишь дежурные лампочки, разливая лужи света на гладком бетонном полу. Клэр шла впереди не останавливаясь. Островки света под ногами напоминали ей зловещие огни фонариков, которыми охранники ловили несчастных обреченных беглецов, – кадры из фильмов о тюремной жизни.

Она отодвинула засов на двери выхода и распахнула ее перед незванным посетителем.

– До свидания, мистер Кассиди.

– Вам так не терпится избавиться от меня, мисс Лоран?

Клэр готова была надавать себе пощечин за свою нерешительность. Она лихорадочно искала правдоподобное объяснение.

– Мама сейчас проходит курс лечения. Ей необходимо питание в строго определенные часы. Мне бы не хотелось, чтобы из-за меня откладывали ужин.

– Очень убедительно.

– Что?

– Это объяснение. Я был бы последним мерзавцем, если бы стал возражать против него, не так ли?

– Я говорю вам правду.

По его лукавой усмешке было ясно – он знал, что Клэр лжет, но предпочел смириться с этим.

– Еще один вопрос, и я уйду. Обещаю.

– Я слушаю.

– У вас когда-нибудь были неприятности с полицией?

– Нет!

– Вы никогда не были под арестом?

– Вы говорили об одном вопросе, мистер Кассиди. Это уже второй.

– Вы отказываетесь отвечать?

Черт бы его побрал! Клэр терпеть не могла, когда кто-нибудь из облеченных властью брал над ней верх, но отказ от ответа мог только усложнить дело.

– Я никогда не подвергалась аресту, но ваш вопрос обижает меня.

– Я это учту, – невозмутимо сказал он. – Доброй ночи, мисс Лоран. Мы с вами очень скоро увидимся.

Она была рада, что стоит в тени, так что ее встревоженный вид остался незамеченным.

– Я уже рассказала вам все, что знаю.

Он вновь посмотрел на нее долгим взглядом.

– Не думаю.

Кассиди скатал каталог в трубку и приложил ее ко лбу в знак прощания.

– Еще раз благодарю за угощение. У вас очень хорошее виски.

Клэр хлопнула дверью, едва не прищемив его пиджак, торопливо задвинула засов и прижалась к холодному металлу. Она тяжело дышала, как будто пробежала милю. Сердце бешено стучало и ныло. Кожа покрылась блестящими капельками пота: Клэр могла бы объяснить это невыносимой духотой... но причина была совсем в другом, и она хорошо это знала.

5

Его язык нежно ласкал ее упругие соски. Прикосновение рождало сладкую истому, и из груди вырывались сдавленные стоны.

– Ты сводишь меня с ума, малыш, – шептала она. – О боже, не останавливайся. Не останавливайся. – Крепкими белыми зубами она схватила мочку его уха и укусила.

Он застонал от боли, но ее неукротимый темперамент все больше возбуждал его. Впившись пальцами в ее упругий зад, тесно прижимаясь, он глубоко проникал в ее плоть. Зажав губами упругий сосок, он жадно сосал его.

Она закричала, извиваясь, в агонии оргазма. Вскоре и он присоединился к ней, корчась от наслаждения и муки, напрягаясь каждым мускулом.

Кожа Ясмин стала липкой от пота и блестела, словно начищенная бронза, отражая свет лампы, стоявшей возле кровати.

Она приподнялась и склонилась над обмякшим телом конгрессмена Алистера Петри, с обожанием вглядываясь в его раздумавшееся лицо.

– Неплохо, сладкий мой, – прошептала она, нежно целуя его в губы. – Ты нашел мое слабое место.

Не открывая глаз, он довольно рассмеялся.

– Слезай с меня, ты, ненасытная сучка, и налей-ка мне что-нибудь выпить.

Ясмин грациозно выпорхнула из постели и направилась к комоду, где заранее приготовила бутылку его любимого виски, ведро со льдом и два стакана. Повсюду в комнате – на мебели, на ковре – валялась одежда. На Ясмин единственным убранством была пара больших золотых серег, которые всякий раз, стоило ей повернуть голову, терлись о ее гладкие плечи.

Их любовная игра началась сразу же, как только он вошел в ее номер в отеле. Долгий, страстный поцелуй – и Ясмин направила его руку под юбку, слегка расставляя ноги.

– Ты сам знаешь, что делать, детка. Сведи меня с ума.

– Ты имеешь в виду это? – Его пальцы раздвинули ее плоть и проникли внутрь. – Как хорошо, что твои клиенты носят твой товар, – прошептал он, лаская Ясмин. – Что, если бы все, как ты, решили обходиться без исподнего?

– Было бы гораздо веселее.

Не прерывая чувственных поцелуев и нежных ласк, они разделись и упали в постель – белое и черное, тела их сплелись в страстных объятиях.

И вот теперь Ясмин, готовя смесь для своего возлюбленного, украдкой наблюдала за ним в зеркале. Наибольший прилив нежности к нему она испытывала именно в эти минуты – сразу же после любовного акта, когда он лежал расслабленный, соломенные волосы спутаны, губы мягкие и спокойные. Он был с ней почти одного роста, строен, но за его худощавым телосложением скрывалась большая физическая выносливость. Капельки пота, блестевшие на его гладкой груди, напомнили Ясмин о его виртуозных ласках в постели, и тут же новая волна желания подступила снизу, разлившись теплом меж ее ног.

Он сложил за спиной подушки и привалился к изголовью кровати. Подойдя с готовым напитком, Ясмин обмакнула в стакан указательный палец и провела им по его губам.

– Как тебе нравится?

Он пососал кончик ее пальца.

– Я пробую тебя, – хрипло сказал он. – И себя. Вкусно. Бесподобно.

Улыбнувшись от удовольствия, Ясмин протянула ему стакан и легла рядом. Он поцеловал ее в лоб.

– Ты все делаешь великолепно, Ясмин. Ты само совершенство.

– Это правда? – Теснее прижавшись к нему, она прильнула губами к его соску и начала ласкать его языком.

– Правда, – сладко простонал он.

– Я была бы тебе прекрасной женой.

Его реакция была неожиданно резкой. Он весь напрягся, но не от охватившего его желания.

– Не омрачай те счастливые мгновения, когда мы вместе, Ясмин, – мягко упрекнул он. – Их так мало. И они мне так дороги. Так что не отравляй их разговорами, от которых мы оба только страдаем.

Она перевернулась на спину и уставилась в потолок.

– Я вовсе не страдаю, думая о том, что могла бы стать миссис Алистер Петри.

– Я не то имею в виду. Ты же знаешь.

– Я думаю об этом постоянно. Это то, чего я хочу больше всего на свете, – взволнованно произнесла она. В глазах ее заблестели слезы.

– Я тоже, дорогая. – Он поставил стакан на столик и повернулся лицом к ней. – Ты такая красивая. – Рука его скользнула по ее груди. Соски у нее были лишь чуть темнее, чем кожа, и очень чувствительны к ласке. Он наклонился и поцеловал один, слегка оттянув его губами.

– Я, наверное, дура, что полюбила тебя? – спросила она.

– Дурак я.

– Ты собираешься когда-нибудь оставить ее?

– Скоро, Ясмин, скоро. Ты должна доверять мне, я сам выберу подходящий момент. Ситуация достаточно сложная. Надо очень тонко все продумать, чтобы никому не навредить – я имею в виду тебя прежде всего.

Они познакомились год назад, в Вашингтоне, на официальном приеме в посольстве одной из африканских стран. Ясмин пригласили, поскольку ее предки якобы были выходцами из этой страны. Откуда исходили такие сведения – никто не ведал, но ее агенту история эта понравилась, и он широко использовал ее в рекламных целях. В ней, конечно, было больше романтики и интриги, нежели правды, которая как раз заключалась в том, что семья Ясмин на протяжении вот уже четырех поколений жила в Гарлеме.

Ослепительная в своем золотистом парчовом платье, Ясмин была представлена красивому молодому конгрессмену одним из его коллег. Несколько минут Алистер не мог вымолвить ни слова, но вскоре ее смех и нежное подтрунивание помогли ему расслабиться. Весь вечер они посвятили друг другу, не обращая внимания на других гостей, и, вполне естественно, оказались по его завершении в лимузине Ясмин, который и доставил их в загородный мотель, где они, уже в постели, закончили этот вечер.

И лишь на следующее утро он признался, что дома, в Нью-Орлеане, у него остались жена и дети. Страсть, с которой Ясмин предавалась любви накануне, оказалась под стать той необузданной ярости, которую она обрушила на него после таких признаний. Она кричала на него, осыпала самыми отборными ругательствами, угрожала колдовскими наговорами, которые погубят его мужские достоинства.

– Трахнуть и забыть – таков ваш стиль, да, конгрессмен? Так вот, сладкий мой, ты не на ту попал. Я тебе не какой-нибудь безропотный птенчик. Я – Ясмин. Никто от меня так просто еще не уходил.

Успокоив ее в конце концов, он объяснил ей всю сложность своего положения.

– Наши семьи дружили много лет. Мы с Белль выросли вместе.

– Отличная сделка.

– Пожалуйста, Ясмин. Выслушай меня. Ты не понимаешь наши светские условности.

– Я понимаю достаточно. Читала исторические романы. И знаю, что богатые белые мужчины женятся на богатых белых женщинах, но удовольствие в постели получают лишь от своих темнокожих любовниц.

Простонав ее имя, он резко сел на краю кровати и в отчаянии склонил голову, погрузив пальцы в свои густые светлые волосы.

– Клянусь тебе... О боже, ты никогда не поверишь мне. – Он поднял на нее умоляющий взгляд. – Я никогда не любил Белль. Но мои родители умерли, и тогда ее родители взяли меня под свою опеку. Я старался оправдать их ожидания, делал все, что было необходимо. Был хорошим мужем. И пытался полюбить ее. Бог свидетель, я пытался.

Ты вправе обвинять меня, Ясмин, – продолжал он. – Я должен был сказать тебе, что женат, еще до того, как мы вместе покинули прием, до того, как эмоции захлестнули меня. Еще лучше, если, познакомившись с тобой, я бы повернулся и отошел. Потому что я уже тогда знал... ты потрясла меня...

Его раздирали муки выбора между страстью и честью.

– Но меня влекло к тебе неудержимо. Я был словно... громом сражен. Мне просто необходимо быть с тобой. – Он вновь опустил голову и устался на ковер. – Теперь, когда ты все знаешь, ты вправе презирать меня.

Он поднял на нее взгляд, исполненный мольбы.

– Но я никогда не забуду нашу ночь. Это была самая чувственная, самая сексуальная ночь в моей жизни. Прости меня, хотя я и не хочу просить за это прощения. – Он был чрезвычайно взволнован. – Мне тридцать четыре года. Но до этой ночи я не знал, что такое любовь.

Сердце Ясмин дрогнуло. Упав на колени, она обняла его. Они плакали, смеялись, а потом опять любили друг друга. С того утра они встречались, как только позволяли их дела, урывая счастливые часы то в Вашингтоне, то в Нью-Йорке, то в Нью-Орлеане. Ясмин не чувствовала вины за свой роман с женатым мужчиной. Она считала, что адюльтер – всего лишь слово, не более. Настоящими и имеющими смысл были только чувства – чувства, которые связывали их с Алистером. Ошибкой же был его брак.

Сейчас, прижавшись к нему в постели, Ясмин с тоской шептала:

– Я так скучаю по тебе, малыш. Я хочу все время быть с тобой. Жду не дождусь того дня, когда нам не придется прятаться и скрывать свои чувства.

– Мне тоже не терпится, я делаю все, чтобы так оно и было.

– Что все?

– Я уже намекал Белль – очень тонко, ты же понимаешь, – что, возможно, она не испытывает удовлетворения от замужества. Что, может быть, мы поторопились и она не успела разобратся в своих чувствах. Ну, в общем, что-то в этом роде.

– И как, действует?

– Я заметил охлаждение с ее стороны.

У Ясмин екнуло сердце, и улыбка надежды озарила ее грустное лицо.

– И мы... ты знаешь, мы ведь не спим с ней. Вот уже несколько месяцев. – Он притянул Ясмин к себе и нежно прошептал, уткнувшись ей в волосы: – И слава богу. Всякий раз, когда мне приходилось бывать с ней, я думал только о тебе. Вспоминал, что ты чувствуешь в такие минуты, как ты пахнешь, какая ты на вкус. Я схожу с ума от желания.

Их губы встретились. Губы Ясмин заскользили по его груди и животу, она взяла в рот его пенис, и ее подвижный язык привел его в крайнее возбуждение. Приподнявшись, она игриво тронула его за соски, поражая его своей бесстыдной сексуальностью. Лицо его вспыхнуло, он вцепился руками в простыни. Когда наконец он вошел в нее, оба были на грани безумия от охватившей их страсти. В лихорадочной спешке они одновременно достигли бурного оргазма.

Алистер принимал душ, пока Ямин еще нежилась в смятой постели. Она любила оставаться как можно дольше среди этих простыней, которые еще хранили резкий запах тел и следы их любви.

В конце концов она заставила себя подняться и начала одеваться. Еще до прихода Алистера она сняла с себя трусики и засунула их в свою большую кожаную сумку. Протянув сейчас туда руку, она нащупала что-то очень знакомое.

Ее револьвер.

Из ванной показался Алистер.

– Эй! Сдаюсь! – Он отбросил полотенце, которым вытирался, и поднял руки в знак капитуляции. – Разве я сегодня плохо выступил?

Рассмеявшись, Ямин нацелила ствол на его бедра.

– Пах-пах!

Он тоже засмеялся, потом собрал свою одежду и начал одеваться.

– Какого черта ты носишь с собой эту штуку?

– Не знаю, – ответила она.

Он бросил на нее насмешливый взгляд.

– Я хочу сказать, я думала, что потеряла его.

– Это было бы лучше. Не стоит тебе расхаживать с ним повсюду.

– Там, где я росла, без этой штуки нельзя было выжить. – Она подбросила револьвер на ладони. – Я думала, что сунула его куда-то в чемодан, когда в очередной раз летела сюда из Нью-Йорка. Я рассчитывала, что рано или поздно он все равно найдется, но никак не могла предположить, что он окажется именно в этой сумке. – Пожав плечами, она бросила револьвер обратно. – Хорошо, что у Кассиди не было ордера на обыск.

– У Кассиди? Помощника окружного прокурора?

Ямин натягивала платье.

– Ах, я так и не успела рассказать тебе. Он сегодня днем приходил к Клэр.

– По какому поводу?

– Ни за что не поверишь. Насчет преподобного Джексона Уайлда.

Алистер, расправляя манжеты на рукавах, бросил взгляд на свое отражение в зеркале:

– А что насчет него?

– Он хотел знать, что делала Клэр в ту ночь, когда был убит Уайлд.

Алистер обернулся и посмотрел на нее:

– Ты шутишь.

Ямин рассмеялась, застегивая пряжку на поясе.

– Клэр отреагировала так же. Этот сумасшедший евангелист и при жизни-то был нашей головной болью, а теперь вот и из могилы достает.

– А какая связь между вами?

– У Уайлда был так называемый «приоритетный список», как говорит Кассиди. Список журналов, которые он хотел бы запретить. «Французский шелк» был в их числе. Ты знал что-нибудь об этом?

– Откуда?

– Ну, вы с Уайлдом были такими приятелями, – поддразнила Ямин.

– Я был на нескольких приемах в его честь, когда он приезжал сюда. Белль считала, что для моей политической карьеры это полезно. По мне, так он был порядочным дерьмом.

– Аминь. Интересно, кому же выпало такое удовольствие заткнуть его навеки, – со злоградской ухмылкой произнесла она. – Полиция, должно быть, рыщет в поисках убийцы. Любой из того списка был заинтересован в его убийстве, но, поскольку офис «Французского шелка» находится именно здесь, в Нью-Орлеане, Кассиди подумал, что, может быть... Ну, представляешь себе.

Как бы то ни было, – продолжала она, нанизывая на руки браслеты, – мне, наверное, не стоит показываться с этим пистолетом, а? Особенно если в прокуратуре докопаются, что я была в ту ночь в Нью-Орлеане, с тобой, а не в Нью-Йорке, как все думают. Если это выяснится, ты подтвердишь мое алиби?

– Даже не шути так, Ямин. – Он взял ее за плечи. – Я знаю Кассиди: он честолобив, хитер и всегда идет до конца. Похоже, он хватается за соломинку, пытаясь притянуть «Французский шелк» к убийству Уайлда. И хотя нам эта версия может казаться глупостью, но можешь не сомневаться – он настроен весьма серьезно.

– В общем-то, я и не волнуюсь. У него нет ничего против Клэр. Не может же он строить свое обвинение лишь на том, что ее каталог оказался в том идиотском списке?

– Конечно, нет.

– Тогда почему ты так обеспокоен?

– Я не хочу, чтобы он совал нос в твои дела.

– Но он со мной не беседовал.

– Это не значит, что не будет. Если он начнет тебя расспрашивать, я ведь не смогу подтвердить твоё алиби. Послушай, Ямин, – настойчиво сказал он, – пока я не улажу свои семейные проблемы – когда и как, это я решу сам, – не может быть и речи о том, чтобы о нашей связи стало известно.

– Я знаю, – покорно сказала она.

– Ты не должна говорить никому-никому, что мы встречаемся.

Ямин была рада, что он сам заговорил об этом, поскольку эта тема уже давно мучила ее.

– Я хочу рассказать Клэр о нас, Алистер. Мне противно обманывать ее, придумывать разные уловки, просить встретить меня в аэропорту, в то время как я уже двенадцать часов торчу в городе. Могу я довериться ей? Она никому не расскажет.

Не успела она договорить, как он упрямо закачал головой.

– Нет, Ямин. Ты не должна говорить никому. Обещаешь?

Она со злостью скинула с плеч его руки. В глазах ее появился опасный блеск.

– Неужели ты так боишься, что слухи дойдут до Белль?

– Да, боюсь. Если она когда-нибудь узнает истинную причину, почему я хочу развода, она сделает все, чтобы не допустить его. Заупрямится, затянет процесс на неопределенный срок.

Вздохнув, он притянул Ямин к себе.

– Неужели ты не понимаешь? Зачем давать Белль шанс заставить нас страдать еще больше, чем мы уже страдаем? Я же беспокоюсь о тебе. Не хочу, чтобы ты оказалась замешанной в таком грязном скандале. Никто же не поймет, что на самом деле нас связывает. Вообразят самое гнусное.

Она закрыла лицо руками.

– Я люблю тебя, Алистер. Но я убью тебя, если окажется, что ты солгал мне.

Он уткнулся лицом в ее ладонь и поцеловал ее.

– Больше всего на свете я хочу быть с тобой. Я хочу жениться на тебе, хочу, чтобы у нас были дети, ну и все прочее. – Последовал долгий поцелуй, пока нежность не переросла в безумное желание.

– Не надо, Ямин. – Он убрал ее руку с ширинки брюк. – Я уже опаздываю.

– Не так уж ты и опаздываешь, милый, – соблазнительно прошептала она, расстегивая ему «молнию».

В конце концов пришло время, когда действительно пора было уходить. И бесполезно было дуться, плакать, угрожать или кричать. Если он должен был идти, его уже ничто не могло остановить. Ямин это не нравилось, но она научилась мириться с этим и старалась при прощании вести себя спокойно.

– Когда я увижу тебя?

– У меня на этой неделе несколько встреч в комитете по выборам, – ответил он, оглядывая комнату и проверяя, не осталось ли чего-нибудь из его вещей. – Ноябрь не за горами, не успеешь оглянуться. Потом, в выходные, семейное торжество в ресторане «Батон-Руж». Чертовски скучное мероприятие, но я должен присутствовать.

– Белль с детьми тоже будут?

– Конечно. – Он нежно взял ее за подбородок и поцеловал. – Как ты смотришь на то, чтобы встретиться в воскресенье вечером? Здесь. Я что-нибудь придумаю, чтобы удрать из дома. Все устанут после уик-энда. Мне удастся вырваться на час или даже больше.

– Хорошо, в воскресенье вечером, – согласилась она, стараясь казаться счастливой от такой перспективы. До воскресенья было пять дней.

– Если у меня возникнут проблемы, я позвоню тебе. – У Ясмин был личный номер телефона в ее спальне в квартире Клэр; когда ее не было дома, к телефону никто не подходил. Уже в дверях он обернулся и спросил:

– Тебе нужны деньги, Ясмин?

Задумчивая улыбка исчезла с ее лица.

– За оказанные услуги? – огрызнулась она. – И во сколько же ты оцениваешь мою работу?

– Я просто хотел помочь.

– Не стоило мне говорить тебе, что у меня кризис с наличностью.

Несколько месяцев назад, в минуту слабости, Ясмин пожаловалась, что ее расходы слегка опережают доходы. С каждым месяцем она все сильнее ощущала это. Некоторые кредиторы уже начинали досаждать ей и даже угрожать.

– Дело не в том, что тебе просто не хватает наличности, – резонно заметил Алистер. – Все гораздо серьезнее. У тебя вот уже несколько месяцев проблемы с доходами.

Когда истек ее контракт с косметической фирмой, компания решила не возобновлять его, а предпочла пригласить «свежее лицо» – молоденькую аппетитную блондинку. Ясмин сделала вид, что совершенно не расстроена решением компании, но это был ощутимый удар по ее самолюбию. Она всегда знала, что век фотомодели, «девочки с обложки», короток, но, когда закончился этот последний солидный контракт, горькая реальность, осознание того, что она уже «бывшая», заставили ее глубоко страдать. Хорошо еще, что этот контракт был не единственным источником ее доходов.

Но Ясмин не учла, что все-таки он был очень прибыльным. И никак не могла привыкнуть к тому, что следовало бы сократить свои расходы. Кроме всего прочего, некоторые ее капиталовложения оказались не столь выгодными, как ожидалось. И как это ни могло показаться странным, но Ясмин оказалась на мели.

– Это временные трудности, Алистер, – резко сказала она. – Мы с моим бухгалтером ищем выход. Уже кое-что меняется. В любом случае денег от тебя я не приму. Я буду чувствовать себя шлюхой. Никогда больше не предлагай мне этого.

– А как Клэр? Она, наверное, была бы рада помочь тебе.

– Ее это касается в той же мере, что и тебя. Это моя проблема, и я решу ее сама.

Она чувствовала, что ему хотелось продолжить спор, и была рада, что он этого не сделал. Вместо этого он подошел к ней и игриво похлопал ее по попке.

– Гордая и сексуальная. Неудивительно, что я так тебя люблю. – Легким поцелуем он коснулся ее губ. – До воскресенья.

Ясмин и Клэр оказались у «Французского шелка» одновременно. Ясмин расплатилась за такси и подошла к двери, где уже стояла Клэр.

– Что ты делаешь на улице в такой поздний час?

Клэр открыла дверь и отключила сигнализацию.

– Я могла бы задать тебе тот же вопрос, но ответ, пожалуй, мне известен, не так ли? – Вновь включив сигнализацию, они направились через склад к лифту.

– Не говори со мной с таким сарказмом, – сказала Ясмин. – Где ты была?

– Гуляла. И никакого сарказма в моем ответе не было.

– Ты вышла погулять одна в столь поздний час? Но ведь с тобой могло что угодно случиться.

– Я знаю каждый закоулок во Французском квартале. И не боюсь его.

– А зря, – сказала Ясмин, когда они уже вошли в лифт. – Когда бродишь по этим улицам ночью одна, только испытываешь судьбу. Ты хотя бы прихватывай с собой страховой полис.

– Страховой полис? – Клэр бросила взгляд на кожаную сумку Ясмин, которую та многозначительно похлопывала по боковому карману. – Пистолет? Ты купила еще один? – Они уже однажды говорили о нем, когда Ясмин сообщила о своей пропаже.

– Нет, мне не пришлось покупать новый. Оказалось, что тот пистолет вовсе не потерян.

– Лучше бы уж он не нашелся.

Доехав до третьего этажа, они вышли из лифта. Клэр заглянула в комнату Мэри Кэтрин убедиться, что та уже в постели. Клэр отсутствовала не более получаса, но ее матери иногда удавалось исчезать и за меньшее время.

– Все в порядке? – спросила Ясмин, когда Клэр присоединилась к ней на кухне. – Странно, что ты оставила ее одну.

– Мне необходимо было подышать свежим воздухом. Подумать кое о чем. Я надеялась, что ты уже вернулась, но... – Клэр пожала плечами.

Ясмин отшвырнула яблоко, которое только что взяла из вазы с фруктами.

– Вместо того чтобы жалить меня своими ядовитыми замечаниями, почему бы тебе сразу не добить меня? Ну, скажи, что ты не одобряешь мое увлечение.

– Я не одобряю твое увлечение.

Подруги враждебно посмотрели друг на друга. Ясмин первой отвела взгляд. Чертыхнувшись, она плюхнулась на стул и принялась срезать с яблока кожуру.

Клэр подошла к холодильнику и налила себе стакан свежего апельсинового сока, который Гарри готовила каждое утро.

– Прости, Ясмин. Я не имела права говорить тебе этого. Кто я такая, чтобы вмешиваться в твою жизнь?

– Ты моя лучшая подруга, вот кто. Это дает тебе право иметь свое мнение.

– Которое мне следовало бы держать при себе.

– Наша дружба держится на прямоте и искренности.

– О! Я тоже всегда так думала, но ты никогда не была искренней со мной. Ты даже не назвала мне его имени.

– Если бы я могла, обязательно рассказала бы тебе о нем.

Клэр внимательно посмотрела на взволнованное лицо подруги и ее покрасневшие глаза. Она плакала. Клэр села рядом, взяла яблоко из нервных рук Ясмин и задержала их в своих ладонях.

– Я вела себя грубо только потому, что я обеспокоена. А беспокоит меня то, что девяносто процентов времени ты страдаешь. Вот почему я не одобряю этот роман. Ты несчастлива, Ясмин. А ведь любовь должна делать людей счастливыми.

– Обстоятельства далеко не идеальны. Проще говоря, это худший сценарий, который можно себе представить, – жалобно улыбнулась Ясмин.

– Он женат?

– Да.

Клэр так и думала и боялась этого, и вот теперь, зная это наверняка, переживала еще больше.

– Другой причины скрывать это я предположить не могла. Извини меня.

Клэр было ясно, что Ямин страдает глубоко и искренне. Это был не каприз и не романтическое приключение, которыми изобиловала раньше ее жизнь. Когда они подружились, Ямин вела очень активную светскую жизнь, вращалась в самых изысканных кругах бомонда. Среди ее поклонников были профессиональные спортсмены и бизнесмены-магнаты, кинозвезды и наследные принцы.

Около года назад бурные любовные романы внезапно прекратились, и Ямин все чаще стала исчезать в неизвестных направлениях. Она стала осторожной и скрытной, иногда впадала в глубокую депрессию, смены настроения были частыми и резкими. Кроме этого загадочного возлюбленного, у Ямин теперь больше никого не было – во всяком случае, Клэр не замечала других увлечений. Несомненно, Ямин была влюблена, но любовь приносила ей глубокие страдания.

– Вы встречаетесь с ним здесь, в Нью-Орлеане? – мягко спросила Клэр.

– Он живет здесь, – ответила Ямин.

Клэр удивилась:

– Ты познакомилась с ним здесь?

– Нет. Мы встретились в... в... в одном из восточных штатов. В прошлом году. Простое совпадение, что мы оба оказались из Нового Орлеана.

– Удобное совпадение. – Клэр ненавидела себя за те мысли, что лезли ей в голову: этот человек, судя по всему, знал толк в такого рода делах и ловко использовал привязанность Ямин к его родному городу.

– Не такое уж и удобное, – мрачно ответила Ямин. – Он страшно боится, что его жена узнает о нашей связи до того, как ему удастся развестись с ней.

– У него такие планы?

Ямин резко повернула голову.

– Да, – ответила она раздраженно. – Такие планы. Не думаешь же ты, что у меня будет столь длительный роман с женатым человеком и без настоящей любви? Как только это будет возможно, он разведется и женится на мне.

– Ямин...

– Да, Клэр, именно так он и сделает. Он любит меня. Я знаю.

– Я не сомневаюсь в этом, – неуверенно пробормотала Клэр. Если он так ее любит, почему причиняет ей столько страданий? – задавала она себе вопрос. – У него есть дети?

– Двое. Мальчику десять лет, девочке шесть. Он без ума от детей. Я помню о них, Клэр. Не думай, что я забыла. Представляю, что будет означать для них развод. О боже!

Она облокотилась на стойку бара и закрыла лицо руками.

– Как подумаю о том, что разрушаю семью, мне нехорошо становится. Но он не любит свою жену. И никогда не любил. Секса у них практически и не было.

Молчание Клэр было, очевидно, слишком красноречивым, потому что Ямин подняла голову и посмотрела на нее.

– Именно так, – подчеркнула она. – Он сам говорил мне, но я догадалась и раньше. В первую нашу близость он был так потрясен, что я даже подумала, он сейчас заплачет. И тогда он сказал мне, что его жена скорее умрет, чем позволит ему «запустить туда свой язык», даже если втайне и мечтает об этом. Она считает, что секс без стыдливости и запретов – просто разврат, так что в постели всегда ровна и однообразна.

Ямин никогда не церемонилась, рассуждая о сексе. Прежде она часто забавляла Клэр интимными подробностями своей активной сексуальной жизни.

Сейчас она сидела, скобля ногтем холодную мраморную поверхность стойки бара.

– Я самая восхитительная женщина в его жизни, Клэр. Я буду ему хорошей женой.

– Тогда почему он не покончит с этой двойной жизнью? Зачем мучить и тебя, и себя?

– Он не может, – грустно покачала она головой. – Развод отразится на его карьере. Он очень известная фигура. К тому же он тесно завязан с родней жены и их друзьями. Господи, это же будет кошмар. Он должен все продумать и выбрать подходящий момент. А мне предстоит запастись терпением и ждать того дня, когда мы сможем быть вместе.

Клэр была не столь оптимистична и чувствовала, что она, как подруга, должна выступить в роли «адвоката дьявола».

– Ясмин, такие истории редко имеют счастливый конец.

– «Такие истории»? Да откуда ты знаешь, какая она?

Клэр поняла, что Ясмин сейчас даст волю эмоциям, и решила свои придержать.

– Все, что я имела в виду, так это обычную практику в такого рода делах. Мужчины, которые занимают высокое положение в обществе, редко оставляют своих жен и семьи ради любовниц. Ясмин, – мягко спросила она, – скажи, а он белый?

– И что из того?

Реакция Ясмин сама подсказала ответ.

– Это ведь Юг. Нью-Орлеан. Мужчины здесь придерживаются традиций... – начала было Клэр.

– Он не такой, как все, – гневно перебила ее Ясмин. – Он, как никто другой, лишен расовых предрассудков.

Клэр вымученно улыбнулась.

– Я уверена, что он именно такой, иначе ты не могла бы любить его. – Клэр понимала, что пора отступить. Ясмин была слишком эмоциональна, чтобы выдержать откровенный разговор. Сейчас она напоминала раненого зверя, который кидается на любого, даже того, кто ему пытается помочь. – Прости, что я начала этот разговор, Ясмин.

– Не будь так снисходительна ко мне, Клэр.

– Я вовсе не стремлюсь к этому.

– К черту! – Ясмин спрыгнула со стула. – Я сомневаюсь, что ты поверила хоть слову из того, что я рассказала тебе. Ты, наверное, думаешь, что он просто трахает меня – так, из удовольствия.

Клэр отодвинула свой стул и тоже встала:

– Спокойной ночи. Я иду спать.

– Ты бежишь, потому что тебе нечего возразить.

– Да! – прокричала в ответ Клэр. – Я отказываюсь спорить с тобой, потому что это без толку. Если я скажу что-нибудь плохое о нем, ты кидаешься на его защиту. Меня не волнует, кто он, твой любовник. Моя единственная тревога – о тебе, о том, что ты несчастлива. Если ты хочешь так жить – что ж, твое дело. В конце концов, до тех пор, пока это не отражается на твоей работе, меня это не касается.

– Так уж и нет? А как же твоя зависть?

– Зависть?

– Не разыгрывай передо мной святую наивность, Клэр. Я тебя вижу насквозь. Я безумно влюблена в парня, который готов перевернуть всю свою жизнь ради меня, в то время как твоя личная жизнь стерильна, как у монахини.

Клэр мысленно сосчитала до десяти. Когда Ясмин бывала недовольна собой, она становилась агрессивной и задиристой, пытаясь найти выход своим эмоциям. Такой уж был у нее характер, и Клэр за годы их дружбы научилась терпению. Однако от этого было не легче, и бурные выходки Ясмин не оставляли Клэр равнодушной. Она знала, что на следующее утро Ясмин будет извиняться, заискивающе улыбаться, называть себя эгоистичной сукой, умолять о прощении, но на сегодняшний вечер Клэр было достаточно впечатлений и истязать себя дальше она не собиралась.

– Думай что хочешь. Я устала. Спокойной ночи.

– Этот Кассиди, как хоть его зовут?

– Я не знаю. – Клэр погасила свет в холле и направилась к своей спальне. Ясмин намека не поняла и плелась следом за Клэр, словно надоедливый щенок.

– Ты, надеюсь, была с ним холодна и надменна?

– Я держалась враждебно.

– Но он понял, что его водят за нос?

Клэр резко остановилась и обернулась:

– Что ты имеешь в виду?

– Ты же мастерица увиливать от прямых ответов, Клэр, но, судя по моему первому впечатлению от Кассиди, он не из тех, кто готов воспринимать серьезно женский треп.

– Я уверена, что в этом смысле он не воспринимал меня как женщину. Он ведь был здесь как лицо официальное.

– Но он проторчал бог знает сколько времени.

– У него было много вопросов.

– И у тебя нашлись на них ответы?

Клэр сурово посмотрела на подругу:

– Лишь на некоторые. Он хотел привязать меня к убийству Уайлда, а связи никакой не вырисовывается.

– Как ты находишь его, сексуальным? – спросила вдруг Ясмин.

– Твой вопрос, я полагаю, относится к помощнику прокурора, а не к этому евангелисту?

– Ты опять увливаешь, Клэр. Ответь мне.

– Я как-то не думала о сексуальности Кассиди.

– А я думала. Он очень сексуален, причем в самом порочном смысле. Ты не находишь?

– Не помню.

– Готова спорить, что он трахается с открытыми глазами и стиснув зубы. Меня возбуждает даже сама мысль об этом.

Ясмин явно провоцировала подругу. Решив не реагировать, Клэр обернулась и спокойно сказала:

– А я думала, что ты влюблена.

– Да, я люблю. Но я не слепая. И пока не умерла, – парировала Ясмин. И уже через закрытую дверь в спальню Клэр прокричала: – И хотя ты и стараешься казаться холодной с этим Кассиди, да и всеми остальными, ты вовсе не такая, Клэр Лоран!

Прислушиваясь к удаляющимся шагам Ясмин, Клэр глянула на свое отражение в зеркальной дверце шкафа. Сейчас она не походила на себя – взволнованная, смущенная, испуганная. И виной тому был лишь один человек – Кассиди.

6

Андре Филиппи закончил обедать и аккуратно сложил серебряный прибор на тарелке. Он промокнул рот краем льняной салфетки, свернул ее и отложил в сторону. Затем позвонил официанту, чтобы тот забрал поднос. Жареная утка была, пожалуй, суховата, а в соусе, поданном к свежему аспарагусу, было чересчур много эстрагона. «Надо сделать замечание шеф-повару», – отметил про себя Андре.

Ночной менеджер нью-орлеанского отеля «Фэрмон» Андре Филиппи требовал безупречного исполнения служебных обязанностей от каждого служащего. Ошибок и промахов он просто не выносил. Грубость или неряшливость сотрудника были основанием для его немедленного увольнения. Андре считал, что к руководству отеля отношение должно быть столь же почтительным, как и к самым высоким гостям.

В маленькой ванной комнате, прилегающей к его кабинету, он вымыл руки французским жидким мылом, прополоскал рот зубным эликсиром и тщательно вытер тонкие, словно нарисованные усики и такие же тонкие губы. Он еще раз пригладил смазанные волосы, которые носил зачесанными назад, чтобы прикрыть намечавшуюся лысину, но главным образом потому, что такая прическа придавала ему на редкость правильный и респектабельный вид. Затем настала очередь придиричьего осмотра ногтей. На завтра у Андре был назначен маникюр – это был еженедельный ритуал, и он свято соблюдал его.

Всегда бдительный во всем, что касалось бюджета гостиницы, он выключил свет в ванной и вернулся в кабинет. Обычно должность ночного менеджера не предусматривала личного кабинета, но у Андре был некий особый статус даже в сравнении с управляющими более высокого уровня.

Очень важное качество отличало Андре от остальных – он умел хранить тайны.

Андре пользовался особым расположением начальства, которое частенько нуждалось в его услугах. Андре добросовестно хранил в секрете их тайные пороки – склонность одного к молодым юношам, пристрастие другого к героину. Личный кабинет был лишь одним из проявлений особой благосклонности боссов, которую Андре снискал своим редким даром хранителя чужих тайн и услужливостью.

Другим выражением признательности персонала отеля и гостей, которые тоже просили о подобного рода услугах, были кругленькие суммы, которые скапливались на счетах Андре в нескольких нью-орлеанских банках, принося ему весьма солидный доход. У него редко появлялась возможность потратить деньги на что-либо иное, кроме своего гардероба да покупки цветов на могилу тамап. Искусно подобранные букеты цветов – таких же экзотических, какой была и его мать, – ложились на ее могилу дважды в неделю. Букеты по своей оригинальности и красоте превосходили те, что присылал отец, когда Андре был еще мальчиком. Для Андре это было очень важно.

Он был невысок ростом, но крепкая фигура придавала ему солидности. Хотя и склонный к излишней суетливости, он был человеком крайне дотошным и педантичным.

Андре еще раз оглядел себя с ног до головы в зеркальной дверце ванной. Брюки его до сих пор сохраняли безупречную отутюженную складку. Красная гвоздика на лацкане пиджака все еще была свежа. Воротник и манжеты накрахмаленной белой рубашки были настолько твердыми, что от них вполне мог бы отскочить теннисный мячик. На Андре всегда были превосходного покроя темный костюм, белая сорочка и строгий галстук. Он, конечно, чувствовал бы себя уютнее в утренней домашней куртке, но это могло бы отвлечь внимание гостей от превосходного сервиса, который им предоставляли в отеле. А это было равносильно краху. Андре Филиппи считал себя слугой прибывавших в отель «Фэрмон» посетителей и относился к своей работе серьезно.

Постучав в дверь, в кабинет вошел официант в форме:

– Вы управились с ужином?

– Я закончил, да. – Андре критическим взглядом оценил внешний вид молодого официанта и ловкость, с которой он закрывал крышками стоявшие на столе блюда и ставил их обратно на поднос.

– Это все на сегодняшний вечер, мистер Филиппи?

– Да, спасибо.

– Есть за что!

Андре поморщился от таких бойких ответов официанта, но, по правде говоря, работал тот хорошо. Конечно, сейчас вернется на кухню и будет шутить и злословить со своими приятелями, пока не получит новый заказ. У Андре было очень мало друзей.

Он посещал лучшие частные школы, потом университет Лойолы. Но, поскольку у него не было законного отца, он везде чувствовал себя изгоем. Хотя это его не особенно волновало. С некоторых пор весь мир для него сосредоточился в этом отеле. Все, что происходило за его стенами, представляло для него ничтожный интерес. Андре не был честолюбив. Он не вынашивал далеко идущих планов – стать совладельцем отеля, к примеру. Для него божьей благодатью было бы умереть на дежурстве в «Фэрмоне». Его тесная квартирка находилась в нескольких минутах ходьбы от гостиницы, но он с большой неохотой проводил там время. Если бы ему позволили, он бы никогда не покидал «Фэрмон».

У Андре все-таки был один грех. Вот и сейчас он с удовольствием предавался ему, как гурман, смакующий поданный после славного ужина хороший ликер. Открыв ящик стола, он смотрел на вставленную в рамку фотографию с автографом. Ах, Ямин. Такая изысканная. Такая красивая. «Отличному парню», – было написано на портрете, а дальше шла ее подпись, состоявшая из множества причудливых завитушек.

Он был не просто преданным ее поклонником. Уже долгие годы он испытывал к этой женщине самые нежные чувства. Это не было сексуальным влечением. Глупо и нелепо выглядело бы это с его стороны. Нет, он почитал ее, поклонялся ей, словно ценитель живописи, который вздыхает и мечтает о недоступной картине. Он восхищался ею, обожал, молился за ее счастье так же, как молился когда-то за то, чтобы была счастлива его красавица тапан.

Наконец он задвинул ящик стола, зная, что сегодня вечером у него еще не раз будет возможность взглянуть на это прелестное лицо, от которого дух захватывало и которое ни на минуту не исчезало из его памяти. Сейчас, однако, пора было пройтись по гостинице с проверкой, которую он проводил каждый час. Работа отеля на первый взгляд шла гладко. У лифтов, на ковре, он было заметил окурок сигареты, но стоило ему щелкнуть пальцами, как тут же, словно из-под земли, вырос лакей, с готовностью подобранный мусор. В холле Андре вытащил из вазы увядшую розу, вежливо поинтересовался у возвращавшихся в отель гостей, все ли устраивает их в сервисе. Гости заверили его, что, как всегда, обслуживание безупречно.

Проходя через вестибюль, Андре невольно поморщился, вспомнив то ужасное утро после убийства Джексона Уайлда. Какой неприятный инцидент – и надо же было этому случиться именно в его отеле!

Андре вовсе не сожалел о смерти проповедника. Этот человек прежде всего служил себе, своей идее, но не людям. Его улыбка скрывала мерзкую натуру. Он смеялся слишком громко, говорил слишком замысловато, пожимал руки с излишней сердечностью. Андре был предельно услужлив и вежлив со священником и его семьей, но искренности в этом не было, поскольку слишком сильна была у него личная неприязнь к Джексону Уайлду.

Андре имел зуб на священника. Убийство Уайлда бросило тень и на отель, хотя от подобных происшествий не был застрахован ни один из них, какие бы меры безопасности ни предпринимались. Тем не менее кое-кто из местных журналистов осмелился высказаться, что отель тоже несет ответственность за случившееся.

Ну, с подобными заявлениями пусть разбираются юристы. Это было уже вне компетенции Андре. Но он до сих пор испытывал неприятное ощущение, вспоминая то злополучное, сумасшедшее утро, этот светлый, обычно тихий вестибюль, забитый снующими полицейскими, репортерами и справедливо негодующими постояльцами, которых допрашивали как злоумышленников. Зрелище было не из приятных – словно на ваших глазах вдовствующую королеву терзали уличные головорезы.

Андре считал, что следствию должно быть очевидно, что кто-то с улицы поднялся на лифте на седьмой этаж и спокойно вошел в номер Уайлда. Выстрелив в него, убийца вышел тем же путем, не привлекая внимания. Неужели всех, кто останавливался в ту ночь в отеле, можно рассматривать как подозреваемых? И разве полиция имеет право подозревать всех подряд? Андре так не думал. Вот почему он не испытывал угрызений совести, прикрывая тех, у кого не было явных оснований ссориться с Джексоном Уайлдом.

В числе тех, с кем беседовали полицейские, оказался и Андре. Объяснения, которые он им дал, казалось, не вызвали сомнений. Однако с Кассиди дело обстояло иначе. Тот был дотошным и хитрым, совсем не таким, как взъерошенный следователь с двойным именем. Кассиди открыто не обвинял Андре во лжи, но, казалось, чувствовал, что тот кое-что недоговаривает.

– Послушайте, мистер Филиппи, – Кассиди придвинулся ближе и понизил голос, явно стараясь внушить ему доверие, – меня не интересует, какие дела творились в ту ночь на других этажах. Никого не потащат в полицию за тот лишь грех, что кто-то провел ночь с проституткой, привязывая ее к кровати и делая грязные снимки. Меня не волнует, кто чью жену трахал. Что меня действительно интересует, так это личность каждого, кто проходил через эти двери в ту ночь. Я знаю, что вы внимательно следите за вестибюлем. Перед вами проходит множество людей. Кто-то, кого вы могли посчитать персоной малозначимой, на самом деле может быть именно тем, кого мы разыскиваем. Любая информация может оказаться исключительно важной.

– Я понимаю, мистер Кассиди, – бесстрастно ответил Андре. – Но я уже перечислил всех, кого видел в ту ночь. Я проинструктировал весь персонал отеля, чтобы вам было оказано полное содействие. Вам открыт доступ в наш компьютер.

– Который, как мы оба знаем, хранит в своей памяти только то, что от него требуют. А информацию гораздо легче из компьютера убрать, нежели ввести. – Кассиди начал нервничать и даже невольно повысил голос. Осознав это, он резко сменил тон, вновь заговорив, как заботливый отец со своим провинившимся чадом: – Почему вы не хотите быть со мной откровенным, Андре? Если выяснится, что вы скрываете информацию, вас могут привлечь к ответственности. Меня совсем не радует такая перспектива, а вас?

Кассиди мог бы до хрипоты урезонивать Андре, менять тактику, но все равно выжать что-либо ему бы не удалось. Андре твердо решил для себя никогда не выдавать информацию, которая могла бы скомпрометировать уважаемых им людей. Тем более что все это не имело никакого отношения к убийству преподобного Джексона Уайлда, а следовательно, Кассиди знать об этом было совсем ни к чему.

Кассиди не был уроженцем Нью-Орлеана. Он заблуждался, полагая, что закон превыше всего, что перед законом все равны. Кассиди еще не освоил кодекса чести, который правил этим городом. Чужаки могли не понимать или не принимать этот кодекс, но Андре Филиппи чтил его свято.

Войдя на кухню, Клэр увидела мать, одиноко сидевшую за столом в ожидании завтрака. Она была уже одета и с макияжем на лице. Это было хорошим знаком. Бывали дни, когда Мэри Кэтрин из-за депрессии даже не могла встать с постели.

– Ух как вкусно пахнет кофе, мама, – сказала Клэр, застегивая в ушах сережки.

– Доброе утро, милая. Ты хорошо спала?

– Да, – солгала Клэр. Наливая сливки в кофе, она посмотрела на мать и улыбнулась. Улыбка застыла на ее лице, когда Клэр взглянула на экран портативного телевизора, стоявшего на этажерке. Шла программа утренних новостей.

– Совсем ни к чему так кричать, – заметила Мэри Кэтрин. – Это так некрасиво. Женщина должна говорить мягко, спокойно.

Ариэль Уайлд, которая в этот момент была на экране, стояла в окружении репортеров, стремившихся запечатлеть и передать в эфир ее последние критические замечания в адрес властей – городских, окружных и в конечном итоге всего штата, которые до сих пор отказывали в ее просьбах разрешить вывоз тела мужа в Нэшвилл.

Клэр осторожно присела на стул напротив матери. Она с большим вниманием наблюдала за Мэри Кэтрин, чем за происходящим на телеэкране.

– Им следует как можно скорее разрешить миссис Уайлд похоронить мужа, – сказала Мэри Кэтрин, – но, как бы то ни было, трудно испытывать симпатию к таким неприятным людям.

– Почему ты считаешь этих людей неприятными, мама?

Мэри Кэтрин изумленно взглянула на дочь:

– Как, Клэр, разве ты забыла те неприятности, которые причинил тебе этот священник, те ужасные вещи, которые он говорил? Он был отвратительным существом, и жена его, по всей видимости, ничуть не лучше.

У нее сегодня день просветления, подумала Клэр. Они случались редко, но в такие дни Мэри Кэтрин говорила очень осмысленно и полностью сознавала, что происходит вокруг. В такие минуты, когда взгляд ее был ясным, а голос звонким и уверенным, никто и заподозрить не мог, что она когда-либо бывает совсем другой. Глядя на нее сейчас, Клэр удивлялась, что же вызывало эти всплески здравомыслия среди бесконечной череды приступов тяжкого психического недуга. Вот уже десятилетия доктора безуспешно бились над диагностикой и лечением ее болезни.

– То, что говорил о тебе этот человек, так омерзительно, – продолжала Мэри Кэтрин. – Почему он не хотел заняться своим делом и оставить тебя в покое?

Горячность матери изумила Клэр.

– Мне уже больше не придется волноваться из-за него, мама.

Блаженная улыбка появилась на лице Мэри Кэтрин.

– О да, я знаю. Он умер от трех огнестрельных ран. – Резко сменив тему разговора, она обратила внимание Клэр на тарелку с круассанами: – Попробуй, дорогая. Они просто восхитительны.

– Я выпью пока только кофе, – рассеянно сказала Клэр. – Мама, я хотела поговорить с тобой о чем-то очень важном.

– Мне так нравится этот диктор, а тебе? У него такая приятная манера разговора.

– Мама? – Клэр подождала, пока Мэри Кэтрин вновь обратит к ней свое внимание. – Ты помнишь встречу с мистером Кассиди на днях?

– Конечно. Всего несколько минут назад его показывали по телевизору и цитировали в сводке новостей. Я и не знала, когда встречалась с ним, что он такая важная персона. Он будет заниматься расследованием дела Джексона Уайлда от окружной прокуратуры.

– Да, правильно. И поскольку преподобный Уайлд был так враждебен ко мне, Кассиди захотел со мной встретиться. Он может прийти еще раз.

– О, как замечательно. Он был так мил.

– Видишь ли, он... он не всегда мил. По роду своей работы он зачастую вынужден задавать людям много вопросов. Вопросов личных – об их жизни, происхождении. Ему приходится копаться в их прошлом, пытаться выяснить подробности, которые люди предпочитают не афишировать. – Клэр сделала паузу, чтобы до матери мог дойти смысл сказанного. Мэри Кэтрин с

любопытством смотрела на дочь. – Если мистер Кассиди вновь придет и начнет расспрашивать тебя о том времени, когда мы еще жили с тетей Лорель, что ты ему расскажешь?

Мэри Кэтрин пришла в замешательство.

– Ну, думаю, что расскажу ему, какое это было замечательное время.

Вздыхнув с облегчением, Клэр взяла руку матери и тепло пожалала ее.

– Оно действительно было замечательным, правда ведь? Какие счастливые годы мы провели в доме тети Лорель!

– Ты знаешь, я до сих пор скучаю по ней. Давай в это воскресенье после мессы отнесем ей на могилу цветы. – Мэри Кэтрин встала и направилась к столу. – А теперь, Клэр, прошу извинить меня. Мне нужно до прихода Гарри составить список покупок. Она такая рассеянная – если я не напишу все, что нужно купить на рынке, она и не вспомнит ни о чем.

Мэри Кэтрин занялась своим списком, в то время как Клэр обеспокоенно наблюдала за ней. Кассиди придет опять, это неизбежно. Единственное, на что надеялась Клэр, так это на то, что придет он не сегодня. Она была довольна, что у Мэри Кэтрин выдался хороший день, но ей не хотелось, чтобы именно в этот день Кассиди заговорил с матерью о Джексоне Уайлде и его смерти.

Кран с холодной водой был открыт до отказа, но вода все равно была тепловатой. Кассиди подумал, что надо довольствоваться хотя бы тем, что струя довольно мощная. Вода шумно хлестала по спине и шее, снимая напряжение. Но все равно не полностью.

Он намылился, вымыл голову, побрился и вышел из ванной. Кофе к этому времени уже был готов. Кассиди с наслаждением вдохнул душистый запах нью-орлеанского кофе с цикорием и, протиснувшись в каморку кухни, налил себе чашку. Обжигающе горячий и горький кофе давал ему двойной заряд – кофеина и оптимизма. Может быть, сегодняшний день принесет удачу.

Он подошел к входной двери и открыл ее, чтобы достать утреннюю газету. Соседка из дома напротив как раз опускала в его почтовый ящик письма.

Она оглядела Кассиди и довольно ухмыльнулась.

– Доброе утро, мистер Кассиди.

Он придержал узел на полотенце, которым была обмотана талия.

– Доброе утро.

– Что-то в последнее время я редко вас вижу.

Словно не заметив двусмысленности ее замечания, он ответил:

– Я был занят.

– Я читала об этом. – Она кивнула на газету, которую он зажал под мышкой. С газеты взгляд ее перешел ниже – на еще влажный волосатый живот. – Вам удалось попробовать то мыло, образец которого я дала вам на прошлой неделе?

Соседка работала в «Мэзон-Бланш», международной косметической фирме, и постоянно оставляла на его пороге образцы мыла из их коллекции для мужчин. Благодаря ей у Кассиди парфюмерии было больше, чем у завсегдатаев женских клубов на Бурбон-стрит. Кассиди же предпочитал шампунь «Дайал» и лосьон для бритья той же фирмы, но ему не хотелось огорчать соседку. Чувствуя легкое покалывание от ее пронзительного взгляда, он ответил:

– О да, мыло великолепное.

– Пахнет хорошо?

– Угу.

Она смотрела ему прямо в глаза. Он хорошо понимал, что означал этот взгляд. На минуту у него даже возникло желание развлечься, напросившись в гости на круассаны, но он отогнал от себя эту мысль, не успев даже ее как следует сформулировать.

– Извините, я опаздываю. До свидания.

Он закрыл дверь буквально за несколько секунд до того, как полотенце соскользнуло с его бедер и упало на пол. Соседка – Пенни, Пэтти, Пэгги или что-то в этом роде – была мила и доступна, насколько ему было известно. Она и раньше предпринимала попытки познакомиться с ним поближе, но он по той или иной причине их игнорировал, но главным образом из-за вечной спешки и отсутствия интереса к этой женщине.

Может быть, как раз сегодня утром следовало бы принять ее скрытое приглашение. Может, секс сейчас был как раз тем, что нужно, чтобы прийти в форму. «К черту, вряд ли это поможет», – пробормотал он. Если бы все было так просто и легко, он бы давно уже выкарабкался из этой полосы невезения. Женщины не были для него проблемой.

Он отшвырнул ногой полотенце и голый пошел на кухню. Потягивая кофе, он ждал, пока из тостера выпрыгнут два кусочка белого хлеба. Открыв «Таймс пикайон», он отметил, что освещение убийства Уайлда переключалось уже на четвертую страницу. Но и там, черным по белому, говорилось о том, что власти в совершенной растерянности. Статья явно намекала на некомпетентность расследования. Для тех, кто впервые читал об убийстве – а таких, вероятно, было ничтожно мало, поскольку пресса буквально напичкана информацией об этом происшествии, – так вот для таких несведущих читателей картина преступления воссоздавалась как раз на основании пресс-релиза, составленного Кассиди.

Автор заметки цитировал помощника окружного прокурора, который заявлял, что объединенные силы полиции и окружной прокуратуры прорабатывают несколько версий, что было правдой, и что арест убийцы неминуем в ближайшее время, что было заведомой ложью. На самом деле арестовывать пока было некого. «Объединенные силы» ни на шаг не приблизились к убийце.

Тосты поджарились. Кассиди намазал их маслом, посыпал сахаром и корицей и с наслаждением впился зубами. Почему-то вдруг вспомнилась Клэр Лоран. Ее рот, наверное, такой же на вкус, как и эта смесь теплого масла с сахаром и корицей.

«Проклятье!» Он сцепил руки, положив их на стол, и подался вперед, прижав подбородок к груди. Хотя прошло не более пяти минут после душа, он опять начал потеть; крохотные капельки пота выступили на боках, груди, спине, животе. Зародилось легкое возбуждение.

Со времени его визита во «Французский шелк» Кассиди по ночам стали мучить подобные ощущения. Они были сродни приступам малярии – отнимали силы, заставляли страдать. Кассиди винил в своей подростковой болезни продукцию «Французского шелка». Любой нормальный парень, насмотревшись на девиц из каталога, одежды на которых явно было не в избытке, возбудился бы точно так же. От природы никуда не денешься. Любое изделие, представленное в каталоге, было сексуальным – нежным, холодным или страстным. Но всегда сексуальным.

От этих глянцевого страниц веяло откровенной похотью, но ведь Кассиди смотрел такие журналы лет с двенадцати и никогда не испытывал такой лихорадки. Видимо, причина была в женщине, чьим вдохновением был рожден этот каталог. Клэр Лоран была столь же пикантна, сколь и товар, который она распространяла. Кассиди никак не мог выбросить ее из головы и думал о ней не только в связи с расследованием. Он даже не раз задавался вопросом, не были ли те идиотские пузырьки, которые она выдувала из флакона, на самом деле любовным одурманивающим зельем.

– Ну и как у тебя вчера прошла встреча на этом бельевом складе? – поинтересовался Краудер на следующее утро, когда Кассиди, как обычно, зашел к нему в кабинет с докладом.

– Вы имеете в виду «Французский шелк»?

– А что, разве в деле фигурирует еще какой-нибудь?

– «Французский шелк» – это, оказывается, целое предприятие. Я даже не предполагал, что у них такой размах.

– Меня не интересует эта сторона. Ты говорил с этой женщиной – Лоран?

– Да. Подробно.

- Что-нибудь интересное?
- Она говорит, что никогда не встречалась с Уайлдом.
- И что еще?
- Это, пожалуй, основное.
- Ты ей поверил?

По не вполне понятным ему самому причинам Кассиди ответил уклончиво:

– Она не дала мне повода сомневаться. – Поскольку Краудер явно ожидал подробностей, Кассиди пришлось удовлетворить его любопытство и рассказать о Мэри Кэтрин Лоран и фото-модели Ямин.

– Я знаю ее, – сказал Краудер. – Видел однажды на приеме у Джонни Карсона. Неотра-зимая особа.

– Да, верно. А Мэри Кэтрин Лоран – это мать Клэр, она душевнобольная.

– Да что ты! И в чем это проявляется?

Краудер углублялся в детали. Вряд ли Краудеру было бы интересно узнать, что у Кассиди член вставал при одной лишь мысли о Клэр Лоран. Далеко не самая благоприятная деталь для помощника окружного прокурора, пытающегося выстроить обвинение по делу об убийстве, особенно если учесть, что карьера его под большим вопросом. Дело об убийстве Джексона Уайлда – пикантное, широко разрекламированное – было как раз тем лакомым кусочком, о котором мечтают молодые честолюбивые обвинители. И оно было в руках Кассиди.

Ему выпала счастливая возможность доказать Краудеру, что он сможет заменить старика, когда тот уйдет в отставку. Ему необходимо было убедить всех, от кого зависело его назначение, в том, что именно он – идеальная кандидатура на столь ответственный пост. И в конце концов, он должен был доказать самому себе, что еще чего-то стоит.

Добиться всего этого было вдвойне трудно, если одно из подозреваемых лиц приводило его в состояние повышенной потливости и душевного трепета.

Клэр Лоран не могла совершить столь хладнокровное убийство. Посмотри, как нежна она с матерью, убеждал сам себя Кассиди.

Такая логика была просто смешна, и Кассиди это прекрасно понимал. Он знал матерых убийц, которые могли, словно по заказу, обливаться горячими слезами, оплакивая тяжкую участь своих матерей.

Так что о чувствах придется забыть. Надо на все смотреть с практической точки зрения. Смысла убивать Уайлда у Клэр, пожалуй, не было. Решившись на убийство и рискуя быть схваченной на месте, она потеряла бы неизмеримо больше, чем если бы выгорели его планы погубить ее предприятие. Верно? Верно. Она бы не пошла на этот риск.

Но, даже рассуждая так, что-то в ситуации с «Французским шелком» Кассиди настораживало. Что же во всем этом было странного? Он мысленно перебрал в памяти всех, с кем встретился в тот день: экономка, девушка в приемной, Клэр, Мэри Кэтрин, Ямин. Внезапно его осенило: «Ни одного мужчины». Ни одного мужчины. На складе работали одни женщины. Гарри – и то уменьшительное имя от Гарриетт, экономки. Значило ли все это что-либо? А может, «Французский шелк» был первой ласточкой в сексуальной дискриминации наоборот? Не было ли в отношениях между Клэр и Ямин чего-нибудь большего, чем дружба и общий бизнес?

От этой мысли появился горький привкус во рту – сильнее, чем от кофе с цикорием. Он вылил остатки кофе в раковину.

Нет, такого не может быть. Он бы почувствовал это. Разговор девушек был действительно мягким и доверительным, но любовной связью здесь и не пахло. Как бы то ни было, Клэр Лоран не была убийцей.

С другой стороны, она предстала в его воображении именно женщиной, способной, уже совершив убийство мужчины, без всяких угрызений совести, забавы ради, разнести ему яйца. Раздался телефонный звонок.

– Это Гленн.

– Доброе утро.

Детектив хмыкнул, как будто был с этим несогласен.

– Мне позвонили от комиссара полиции. Он говорит, что жена Уайлда, которая полностью оправдывает свою фамилию³, требует, чтобы мы выдали тело ее мужа. Придется разрешить, Кассиди.

Кассиди взъерошил влажные волосы.

– Черт. Похоже, у нас нет выбора. Но дай мне еще разок поговорить с ней и пасынком.

– У нас уже есть их показания. Я сам с ними десяток раз беседовал. Еще один разговор вызовет лишь раздражение.

– Знаю, но я хочу попробовать. Буду через полчаса.

Беседа с Ариэль и Джошуа не задалась с самого начала. Они уже сидели в кабинете Кассиди, когда появился он сам. Вдова была в черном шелковом платье, в котором выглядела хрупкой, слабой и невинной.

– Мистер Кассиди, мы чуть больше чем через час отправляемся в Нэшвилл. Нам бы не хотелось опаздывать на самолет.

– Прошу прощения, – сказал Кассиди, садясь за свой стол. – Небольшая пробка по дороге. Я позабочусь, чтобы вас вовремя доставили в аэропорт, с полицейским эскортом.

Казалось, идея ей понравилась. Она откинулась на стуле:

– Спасибо.

– Мне только что сказали, что гроб с телом преподобного Уайлда будет отправлен этим же рейсом.

Вдова приложила к глазам вышитый носовой платок.

– Прошло уже больше недели со дня убийства Джексона. За это время вы не только не арестовали убийцу, но и всячески препятствовали захоронению моего мужа.

Кассиди мысленно поаплодировал ей. Она была чертовски хороша в своей роли. Колени целомудренно прикрыты юбкой, светлые прямые волосы зачесаны назад и схвачены черной бархатной лентой. Она совершенно не стремилась выглядеть соблазнительной, но все равно от нее исходило какое-то необъяснимое очарование.

Джошуа утешающе тронул ее за плечо:

– Для нас это было суровое испытание, мистер Кассиди. Особенно для Ариэль.

– Я несколько не сомневаюсь в этом.

– Мы хотим вывезти тело отца домой, похоронить его, а потом немного отдохнуть. Однако мы планируем вернуться в Нью-Орлеан, как только будет задержан виновный. Я хочу сам, лично, задать ему вопрос – зачем он сделал это.

– Я бы и сам хотел спросить то же самое. – Кассиди открыл папку, которую ему при входе вручил один из клерков. – Чтобы внести полную ясность, я бы хотел еще раз уточнить с вами некоторые временные аспекты. – Для видимости он порылся в бумагах. – Вы – я имею в виду – вы втроем, с небольшим окружением – прибыли в отель... во сколько?

– В десять ноль пять, – нетерпеливо ответила Ариэль. – Мистер Кассиди, нас уже тысячу раз спрашивали об этом.

³ Wilde – фамилия проповедника; wild (англ.) – дикий. Здесь – игра слов.

– Я знаю, это кажется назойливым, но иногда, вновь и вновь пересказывая события, свидетель вспоминает некоторые детали, на которые раньше не обращал внимания. Поэтому прошу вас, наберитесь терпения.

Она страдальчески вздохнула.

– Мы прибыли в десять ноль пять. Очень хотели есть. Поужинали в ресторане отеля. Я уверена, что персонал может подтвердить это.

– Они уже подтвердили. Кто-нибудь из вас выходил из-за стола во время еды?

– Не думаю. Джош, ты помнишь, чтобы кто-нибудь выходил?

– Нет. А почему это так важно, мистер Кассиди?

До сих пор оставалось загадкой, как же проник преступник в номер Уайлда. Кассиди предполагал, что кто-то из близкого окружения мог иметь доступ к ключу и ждал, пока Уайлд вернется с ужина.

– Нет, просто я подумал, что надо и это проверить.

– Я не помню, чтобы до конца ужина кто-то выходил, – сказала Ариэль. – Мы все вместе поднимались в лифте и вышли на своем этаже.

– У всех было хорошее настроение?

– Все были исполнены духом.

– Духом?

– Святым духом. Та вечерняя служба прошла особенно вдохновенно.

– Понимаю. – Кассиди вновь углубился в бумаги. – Итак, миссис Уайлд, вы, ваш муж и Джош вместе вышли из лифта на седьмом этаже?

– Совершенно верно. Джексон всегда снимал для нас целый этаж, чтобы семья была в полном уединении.

– Хм.

– Я поцеловала Джексона у лифта, пожелав ему спокойной ночи, а потом пошла в номер Джоша репетировать гимны для следующего богослужения.

– Вы всегда поете на полный желудок, миссис Уайлд?

– Прошу прощения, что вы сказали?

Кассиди откинулся на стуле и, поигрывая карандашом, в упор рассматривал вдову и сына.

– Я знавал нескольких певцов. Но среди них не было ни одного, кто бы любил петь сразу после еды. Полный желудок давит на диафрагму, не так ли?

– Какое это имеет отношение к делу?

– Вы сказали, что пошли в номер Джоша репетировать.

– Я могу все объяснить, – торопливо начал Джош. – Когда мы с Ариэль репетируем вне зала, мы работаем над ритмом, уточняем, сколько исполнение займет времени, ну и все прочее. Она поет в полный голос, лишь когда мы репетируем в зале, когда звукооператоры могут настроить микрофоны.

– О, – подхватил Кассиди. – Вот, должно быть, почему никто не слышал, как вы пели в ту ночь.

– Но ведь никого на седьмом этаже и не было? – мягко напомнила Ариэль.

– Верно. Но комнаты этажами выше и ниже номера Джоша были заняты, а их обитатели не слышали ни пения, ни звука фортепиано.

– На что вы намекаете, мистер Кассиди?

– Что, может быть, в номере Джоша вы исполняли совсем другую музыку.

Вдова вскочила на ноги и гневно взглянула на него:

– Как вы смеете!

– Никто ведь не может подтвердить ваши показания, миссис Уайлд.

– Но никто не может их и оспорить.

– Я как раз думаю, что на это вы и рассчитывали.

– Думайте что хотите.

– Я думаю, что для того, чтобы продолжить ваши отношения, один из вас или вы оба прошли той ночью в номер вашего мужа и убили его спящего. Оставили его одного на всю ночь, а на следующее утро разыграли это шоу для прессы и публики.

Ее голубые глаза угрожающе сузились:

– Дьявол движет вами.

– Очень возможно, – мягко ответил Кассиди. – Он всегда находил меня податливым.

– Вы что же, собираетесь арестовать нас на основании своих подозрений? – надменно спросила Ариэль.

– Без каких-либо доказательств? Вы ведь так же хорошо, как и я, знаете, миссис Уайлд, что в этом случае мне не удалось бы выдвинуть никакого обвинения.

– Это уж точно. – Она повернулась и с важным видом удалилась.

Джош остался, но он разделял ее негодование.

– Ваше обвинение беспочвенно, мистер Кассиди. Вместо того чтобы огорчать мою мачеху своими гнусными заявлениями, лучше бы искали настоящего убийцу.

– Да будет тебе, Джош. – Кассиди как бы невзначай сменил официальный тон на дружеский. Уж если он и собирался кого сломить из этой парочки, так только Джоша. – Я знаю, что ты спишь с ней. Мне было бы наплевать на это... если бы ты не убрал своего старика ради того, чтобы продолжать эту связь.

– Прекратите!

– Тогда расскажи мне все, черт побери! – Он стукнул ладонями по столу.

После напряженной паузы Джош угрюмо спросил:

– Что вы хотите знать?

Кассиди умерил свой пыл, интуитивно чувствуя, что Джош опять замкнется, если с ним обойтись грубо.

– Посмотри на все это с моей стороны, Джош, и подумай, какие напрашиваются выводы. Ариэль молода, мила, талантлива, влюблена в своего молодого, красивого, талантливого пасынка, который отвечает ей взаимностью. Только есть одна загвоздка. Она замужем. Нелюбимый муж дает ей повод – какой, не знаю. И у нее единственной, кроме твоего отца, был ключ от номера.

– А что вы скажете о горничных? О персонале отеля? Профессиональным взломщикам, между прочим, ключи не требуются. Они в любое время входят в запертые гостиничные номера.

– Джексон был убит кем-то из знакомых, кого он не стеснялся, лежа в постели раздетым.

– Это была не Ариэль.

– Тогда ты?

Молодой человек побледнел.

– У нас с отцом были разногласия, но я не убивал его.

– Он знал о твоих отношениях с его женой?

– Я не знаю, что вы имеете в виду.

Кассиди резко выпрямился на стуле:

– Не води меня за нос, Джош. Так он знал?

Под твердым взглядом серых глаз Кассиди молодой человек смутился. Пожав слегка плечами, отвернувшись, он произнес:

– Нет. Не думаю.

Ага. Теперь-то у Кассиди было подтверждение этой тайной связи. Однако он не подал виду, что безумно рад этому.

– Вы думаете, что были достаточно осмотрительны, скрывая это от отца, если я через тридцать секунд после нашего знакомства догадался обо всем?

– Дело вовсе не в нашей осмотрительности, – невесело рассмеялся Джош. – Просто отец был на редкость самовлюбленным человеком. Он бы никогда не заподозрил Ариэль в том, что она может предпочесть ему меня.

Кассиди внимательно посмотрел Джошу в глаза и поверил.

– Он был хороший сукин сын, не так ли?

– Да.

– Ты ненавидел его?

– Иногда.

– До такой степени, что мог бы убить?

– Иногда да. Но я не убивал... Я бы не смог. У меня не хватило бы смелости.

Кассиди поверил и в это. Джошуа Уайлд был назван так в честь древнееврейского воителя, но совсем не оправдывал этого имени. Несомненно, Джексон Уайлд, громогласный, с темпераментом ангела-мстителя, был весьма разочарован своим мягкотелым тихоней-сыном. Юноша вполне мог с годами ожесточиться против своего неистового, вечно недовольного родителя. И более любящих, чем Джексон Уайлд, родителей, случалось, отправляли в мир иной их доведенные до отчаяния дети. Но Кассиди не думал, что Джош способен всадить пулю в голову человека.

– А что скажешь о ней? – спросил Кассиди, кивнув головой в сторону двери, через которую вышла разгневанная Ариэль. – Подумай, прежде чем ответить, Джош. Мы в любой момент можем обнаружить весьма важные улики, которые до сих пор оставались без внимания. Выгораживая Ариэль, ты тем самым становишься сообщником, от наказания все равно не уйти. Итак: она убила его?

– Нет.

– Она могла это сделать втайне от тебя. Ты с ней провел ту ночь, Джош?

Он опустил глаза, но не колеблясь ответил:

– Да.

– Она выходила ночью из твоего номера хотя бы ненадолго?

– Нет. Только когда уже уходила совсем, перед самым рассветом.

Слишком поздно для убийства, которое, как рассчитала Элви Дюпюи, произошло между двенадцатью и часом ночи.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– Ты подозреваешь ее в убийстве?

– Нет. – Джош так яростно замотал головой, что несколько прядей волос упали ему на брови.

– Откуда такая уверенность?

Джош поднял голову и твердо встретил взгляд Кассиди.

– Мой отец был для Ариэль своего рода лотерейным билетом – без него же она никто, ноль.

Это был тупик. Оба были виновны, это несомненно. Загвоздка же состояла в том, что Кассиди не знал, в чем их вина – только ли в адюльтере, или на них лежал грех пострашнее. Но даже если они и убили Уайлда, доказательств, позволяющих задержать их, все равно не было.

– Что ж, счастливого пути, – коротко произнес Кассиди.

Джошуа Уайлд опешил.

– Вы хотите сказать, что мне можно идти?

– Только если вы не собираетесь подписать признание.

– Мне не в чем признаваться, и Ариэль тоже. Клянусь вам, мистер Кассиди.

– Эта возможность вам еще представится – в суде. А пока – до свидания.

Кассиди проводил его взглядом, задавая себе вопрос – не отпускает ли он сейчас убийцу? Хотя, рассудил он, единственная опасность, которую представляли Ариэль и Джош для общества, состояла лишь в том, что они именем Господа отбирали у верующих их с трудом заработанную наличность.

Раздраженный и в обиде на весь свет, он схватил телефонную трубку, едва только услышав звонок.

– Кассиди слушает.

Звонил Краудер. Результаты допроса его не очень-то порадовали.

– Все закончилось тем, что они ушли, – подытожил свой доклад Кассиди.

Краудер не удержался от комментариев в адрес вдовы, а также по поводу того шума, который она наделала своим бдением у гроба.

– Она улетает в Нэшвилл, благоухающая, словно роза, чистая, как великомученица, оставляя нас разгребать эту кучу дерьма. Кассиди, ты слушаешь меня?

– Что? О да, конечно же, простите. Дерьмо. Совершенно верно.

– Что с тобой?

Кассиди изумленно уставился на пухлую папку, которую Говард Гленн только что занес в его кабинет и с торжествующим видом швырнул ему на стол.

– Я перезвоню. – Кассиди повесил трубку, оставляя Краудера в недоумении, и взглянул на Гленна, который стоял с самодовольной улыбкой на небритом лице.

– Эй, Кассиди. Это как раз может быть тем звеном, которого нам так недостает. Поехали.

7

– Это ваше, не так ли, мисс Лоран?

– Откуда это у вас? – спросила Клэр, обращаясь к малоприятному человеку, который стоял перед ней в позе гладиатора.

– Один из моих людей нашел это в мусорном контейнере за несколько кварталов отсюда. Вы, наверное, не рассчитывали, что мы будем проверять содержимое всех помоек поблизости от дома каждого, кто замешан в деле Уайлда?

– Я не замешана, – спокойно ответила Клэр.

– Эти документы говорят об обратном.

Он помахал папкой перед ее носом. Клэр отстранилась.

– Перестань, Гленн, – резко сказал Кассиди. Гнусный следователь нахмурился, но отступил на пару шагов. Кассиди повернулся к Клэр: – Честно говоря, я думал, что вы умнее. Почему вы просто не вышвырнули эту папку в реку вместе с орудием убийства?

Клэр думала, что в стенах своего дома, такого светлого и просторного, она всегда будет чувствовать себя в безопасности. Но стоило появиться Кассиди, да еще в сопровождении полицейского, который сразу же вызвал у нее нескрываемую неприязнь, своды словно сомкнулись над ней. Детектив был ей омерзителен, и не столько из-за своей неопрятной внешности, сколько из-за гнусной, подозрительной ухмылки.

Когда же Клэр заметила, что было у него в руках, сердце у нее замерло, и ладони стали влажными. Она почувствовала себя в ловушке, но твердо решила не показывать виду.

– Давайте начистоту, мисс Лоран. Что вы скажете об этом? – Детектив Гленн швырнул папку на стойку бара в кухне. На блестящую поверхность высыпались десятки газетных вырезок.

Клэр ненавидела, когда ее загоняли в угол, да еще если это удавалось кому-то из официальных лиц. Инстинктивно ей хотелось сразу же завязать драку, как это делала она еще пятилетней девочкой. Но детство давно прошло. Сейчас она уже не могла себе позволить кусаться, царапаться, вырываться. Бесплезно было и лгать. Она была в их руках. Они это знали. Знала это и она. Единственное, что ей оставалось в данной ситуации, это бесстыдно смотреть им в глаза.

– Это моя папка, – призналась она. – Но, поскольку преподобный Уайлд был убит, я подумала, что с моей стороны было бы неосмотрительно хранить ее.

– Неосмотрительно? – фыркнул Гленн. – Это не то слово. Такое бы только психу пришло в голову.

Глаза Клэр зажглись яростью. Она выпрямилась.

Кассиди встал между ней и Гленном.

– Извините нас, – сказал он Клэр, подтолкнув детектива к двери. До Клэр донесся их яростный шепот. Затем Гленн метнул на нее злобный взгляд и вышел, шумно хлопнув дверью.

– Спасибо, – сказала она Кассиди. – Мне кажется, еще секунда – и я бы не сдержалась. На редкость неприятный человек.

– Я это сделал не ради вас. Скорее для себя. Мне нужно задать вам много вопросов. Совершенно ясно, что Гленн ничего бы от вас не добился, так что я попросил его дать мне возможность самому побеседовать с вами.

– Что за вопросы?

– Вопросы! У нас против вас серьезные улики, мисс Лоран.

– Коллекция газетных вырезок? – усмехнулась Клэр. – Слабовато, мистер Кассиди. Кстати, я как раз собиралась перекусить. Вы не откажетесь?

Не сводя с нее глаз, Кассиди откинул полы пиджака и уперся руками в бока. Он сверлил ее взглядом, словно пытаясь разгадать, кто же она на самом деле.

– Вы хладнокровный противник, это уж точно, – наконец произнес он. – И не менее хладнокровная лгунья.

– Вы никогда не спрашивали меня, веду ли я досье на Джексона Уайлда.

– Меня удивляет, что вы не стали отрицать, что вообще видели это. – Он жестом указал на ворох вырезок на стойке бара.

Клэр обошла бар и направилась к холодильнику.

– Отрицать это – значило признать себя виновной, не так ли? Как вы относитесь к салату из креветок?

– Прекрасно.

– Хлеб белый или ржаной?

– Господи, – пробурчал он, – вы когда-нибудь остановитесь со своим южным гостеприимством?

– Почему вы так против этого возражаете?

– Потому что Гленн там, внизу, ждет, чтобы арестовать вас, а вы рассуждаете, какой хлеб подать.

– Вы меня не арестуете, мистер Кассиди, и мы оба это знаем. – Достав из холодильника все необходимое, она, все еще стоя спиной к Кассиди, готовила сандвичи. Она надеялась, что он не заметит, как дрожат ее руки.

Со стороны, конечно, попытка избавиться от этой злосчастной папки казалась отчаянным шагом замаранного кровью убийцы. Клэр совершила явную глупость, выбросив ее в помойный ящик. Нельзя было надеяться на случай. Почему она не сделала так, как только что подсказал Кассиди, – не выбросила папку в реку? Но тогда, на следующий день после убийства, все завертелось так быстро, что времени на раздумья просто не оставалось. Здравый смысл подвел ее, и эта ошибка обошлась ей дорого.

Она к тому же недооценила Кассиди и серьезность его вопросов, заданных еще при первой встрече. Эти вопросы настораживали, но оснований для паники не было. Теперь же, когда нашли папку, все изменилось. Кассиди уже не просто интересовался ее отношением к Уайлду. Он откровенно подозревал ее в убийстве. Отныне он будет следить за каждым ее словом, жестом, поступком, вылавливая все новые улики. Но у Клэр был богатый опыт сопротивления властям. Первой заповедью, которую она усвоила, было: ни в коем случае не поддавайся запугиванию и угрозам.

Клэр повернулась к Кассиди:

– У вас нет достаточных оснований для моего ареста, мистер Кассиди. Да, я собирала кое-какие материалы о Джексоне Уайлде. Но это вряд ли можно считать криминалом сродни еще дымящемуся пистолету, к примеру.

– Пистолет уже давно на дне залива, – сказал он, подцепив оливку с тарелки, которую подала ему Клэр. – И отнесен течением бог знает куда.

– Скорее всего. – Поскольку стойка бара была завалена вырезками, Клэр кивком головы указала Кассиди на стеклянный столик в столовой: – Вам чаю или минеральной воды?

– Чаю.

– С сахаром?

– Нет.

Вернувшись с двумя стаканами ароматизированного ментолом чая со льдом, она села напротив. Кассиди взял полсэндвича и крепко впился в него зубами.

– Некоторые статьи уже довольно старые.

– Мой интерес зародился несколько лет назад.

– Вы настолько интересуетесь религией?

– Нет, мистер Кассиди, – с застенчивой улыбкой ответила она. – Я рождена в католической вере, но никогда не принадлежала ни к одной организованной религиозной ветви. И уж конечно, не испытывала благоговения перед этими вдохновенными телеевангелистами. Уайлд привлек мое внимание, поскольку его я считала одним из самых опасных людей в Америке.

– И вы сочли своим гражданским долгом покончить с ним?

– Вы намерены выслушать мои объяснения или нет? – огрызнулась она.

Кассиди жестом попросил ее успокоиться.

– Вы очень грубы, мистер Кассиди.

– Да, я знаю.

Их взгляды встретились. Клэр не собиралась сдаваться и продолжала:

– В отличие от других телепроповедников Уайлд угрожал лишить людей не их денег, а более ценного и значимого – их прав. К тому времени, как вышел первый номер каталога «Французский шелк», он уже начал свой крестовый поход против всего, что считал порнографией. Так что с самого начала его проповеди раздражали меня.

– Потому что могли повредить вашему бизнесу?

– Нет, просто я никогда не хотела оказаться в такой ситуации, когда все время приходится защищать свою работу. К тому же я чувствовала, знала, что права. Кстати, мое предсказание оправдалось. «Французский шелк» не имеет ничего общего с порнографическими и близкими к ним журналами, но тем не менее был причислен к ним и осуждался с той же нетерпимостью. Преподобный Уайлд повел самую настоящую войну против свободы прессы.

– Но свобода не может быть безграничной, мисс Лоран. Она подразумевает и ответственность.

– Согласна. – Она отложила сандвич и слегка подалась вперед. – Когда я думаю о том, что мужчины, женщины, дети торгуют своим телом и кто-то еще на этом наживается, мне становится не по себе, но эту преступную деятельность не остановишь, убрав из музеев и с библиотечных полок эротические произведения. Цензура – это личное дело каждого, подсознательно она в наших сердцах, умах, душах. Если ты не одобряешь порнофильмы, потрать свои семь долларов на что-нибудь другое. Если ты против каких-либо телешоу, переключи канал и не покупай продукцию тех фирм, которые финансируют подобные передачи. Но дай возможность тем, кто не разделяет твоих взглядов, смотреть то, что им хочется. Никто – ни правительство, ни комиссии так называемых экспертов, ни тот же проповедник – не вправе диктовать людям – взрослым, заметьте, людям, – что им можно смотреть, а что нельзя. Когда Гитлер пришел к власти, первое, что он сделал, – это сжег книги, которые ему были неудобны.

– Так что же получается – всех, кто, скажем, не воспринимает роман «Над пропастью во ржи», можно считать неонацистами?

– Прошу вас, мистер Кассиди. Не надо утрировать. Аналогия с фашистами распространяется лишь на тех, кто пытается силой навязать свое мнение всем остальным. – Клэр почувствовала, как кровь прилила к щекам. Эта тема всегда задевала ее за живое, и, случалось, она даже позволяла себе высказываться так же бескомпромиссно и по-диктаторски, как и Уайлд. – Я ввязалась в эту схватку не по своей воле, мистер Кассиди. Будь у меня выбор, я бы никогда не стала связываться с ним. Меня втянул в эту войну сам Уайлд, когда начал публично клеветать на меня со своей кафедры. Я старалась игнорировать это, отклоняла его назойливые приглашения участвовать в публичных дебатах, хотя однажды они все-таки должны были бы состояться.

– И вы вооружались, собирая эти газетные материалы.

– Совершенно верно. Единственное, о чем свидетельствует эта папка, так это о том, что я скрупулезно изучала личность своего оппонента, чтобы при встрече с ним, если бы она состоялась, быть готовой к любым неожиданностям.

– Почему же вы мне не показали эту подборку вчера вечером, не объяснили ничего?

– Но я к тому времени уже выбросила ее.

– Вы могли хотя бы упомянуть о ней.

– Могла бы, да. Но на вас же постоянно давят со всех сторон, требуя отыскать убийцу, заставить его предстать перед судом. Я же не хочу быть козлом отпущения, пусть даже временно. Сам факт допроса в прокуратуре, хотя бы и формального, уже отозвался бы неприятными последствиями на моем бизнесе, да и в семье тоже.

– Но я ведь могу прибегнуть к этому.

– Только потеряете время. Я вам уже сказала все, что знаю.

Он пристально посмотрел на нее.

– Так я понимаю, эта красная черта, выделившая дату приезда Уайлда в Нью-Орлеан, – чистое совпадение?

Ее опять обдало жаром, кровь прилила к лицу.

– Да, я вспоминаю, что действительно подчеркивала это место. Могу объяснить почему. Читая заметку, я вертела в руках красный карандаш. – Она слегка пожалала плечами. – Машинально и подчеркнула.

Кассиди быстро доел свой сэндвич и отставил пустую тарелку. Вытерев рот салфеткой, он положил ее рядом с тарелкой.

– На первый взгляд все это чертовски логично. Я имею в виду ваше объяснение, мисс Лоран. Такое впечатление, что вы все это заранее отрепетировали на случай, если папка вдруг попадет к нам в руки.

– Не выпьете ли чашечку кофе, пока фантазируете?

Его губы тронула легкая улыбка.

– Нет, спасибо.

Клэр отнесла пустые тарелки на кухню.

– Я думала, этим занимается Гарри, – как бы между прочим заметил он ей вслед.

– Да, обычно она. Но сегодня она с мамой на прогулке.

– Как удобно.

– Что вы имеете в виду? Какое отношение имеют прогулки моей матери к вашим поискам?

– Мне бы хотелось узнать от нее, где вы были в ночь убийства Джексона Уайлда.

У Клэр перехватило дыхание.

– Я не разрешу допрашивать мою мать, мистер Кассиди. Поймите меня правильно и не тратьте понапрасну силы и время. Мама не помнит, что произошло сегодня утром, не то что много дней назад. Если же она что-то и скажет, то это вряд ли будет ответом, заслуживающим доверия. А любое давление на нее лишь усилит ее депрессию, и я этого не допущу.

– Не думаете же вы, что ваши хлипкие доводы устроят нас с Гленном в качестве вашего алиби.

– У вас все равно нет выбора, – ответила она, слегка поморщившись при упоминании имени Гленна. – Вам придется довольствоваться моими словами. Так вот: в ту ночь я была дома.

– Вы совсем не выходили?

Холодный блеск его глаз смутил Клэр. Она нервно отбросила со лба упавшие пряди волос.

– Возможно, выходила. Но если и так, то буквально на минутку, ведь я не могу оставлять маму одну надолго, особенно ночью. Откровенно говоря, мистер Кассиди, я не помню. К датам я невнимательна.

Кассиди пристально посмотрел на нее, потом спросил:

– А где Ясмин?

– Она вчера вернулась в Нью-Йорк. – Как и предполагала Клэр, наутро после их стычки Ясмин была само раскаяние, просила о прощении. Подруги обнялись в знак примирения, вместе занялись уборкой, а потом усердно поработали над проектом нового каталога. Несколько раз Ясмин бросалась в свою спальню к телефону. Пару раз, до своего отъезда в Нью-Йорк, она не ночевала дома, возвращаясь на следующее утро подавленной и опустошенной. Но отношения Ясмин с ее женатым любовником касались лишь ее одной, и Клэр не вмешивалась.

У нее хватало своих проблем, и все они были связаны с человеком, который сейчас так внимательно смотрел на нее, напоминая ей чиновников муниципальной службы «Людские ресурсы», которые когда-то так же разглядывали ее, словно она была объектом для изучения психических отклонений в личности и поведении.

– Что это? – заинтересовался вдруг Кассиди, жестом указывая на вставленный в рамку исписанный листок бумаги, висевший на стене в кухне.

– Это рецепт тети Лорель, рецепт «Французского шелка».

Кассиди недоуменно взглянул на Клэр.

– У меня никак не рождалось название для моего каталога, – объяснила она, улыбаясь нахлынувшим воспоминаниям. – Мы с Ясмин несколько месяцев ломали над этим голову, но так и не могли ни на чем остановиться. Однажды холодным, промозглым днем мне вдруг ужасно захотелось шоколадного пирога, и я начала перебирать коробочку с рецептами тети Лорель. «Французский шелк», – прочитала Клэр название рецепта, выведенное курсивом на листке в рамке. – Наткнувшись на это название, я тут же поняла, что нашла именно то, что нужно. Тетя Лорель была очень довольна, узнав, что я назвала свою фирму по ее рецепту. Она сразу же почувствовала себя компаньоном, как будто на самом деле внесла свой... – Взгляд Клэр омрачился. – Всего через несколько недель после этого она умерла.

Подойдя поближе, Кассиди прочитал:

– «Постепенно добавляйте сахар и ваниль в приготовленную смесь масла и расплавленного шоколада, все время потихоньку взбивая ее». Звучит вкусно.

– Это на самом деле вкусно. Мягкий, нежный, обволакивающий язык крем – я хочу, чтобы и мое белье, соприкасаясь с обнаженным телом, рождало такие же богатые, чувственные эмоции. Само название располагает к какому-то внутреннему комфорту, желанию потворствовать своим капризам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.